

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ: ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Современные лики теократии

Ж.Т. ТОЩЕНКО

В статье анализируется феномен теократии, рассматриваются его исторические формы, а также аспекты взаимодействия религии и власти в современном (в том числе российском) обществе. Изменения, происходящие во взаимоотношениях религии и власти, вызывают вопросы: почему служители культа претендуют на власть и/или на участие в ней? какие последствия это будет иметь? для чего образуются религиозно-политические партии и движения? возможен ли вариант, что государством будут управлять иерархи церкви? и грядут ли религиозные войны? На эти и другие вопросы пытается ответить автор статьи, ибо не скрывает тревоги, что такая ориентация религий может превратить их в препятствие и тормоз развития мира и национальных государств, противопоставить народы и страны в борьбе за религиозное самоопределение.

Ключевые слова: власть, теократия, клерикализм, государство, бюрократия, христианство, православие, ислам, священнослужители, методы теократии

Предисловие

Религия – величайшее явление в истории человечества. Она сопровождала человека на всех этапах его существования. Многие явления культуры вышли из недр религии или были опосредованы ею. Именно религиозными учениями обобщен нравственный опыт человечества и на этой основе сформулированы главные постулаты морали, без которой невозможна организация нашей общественной и повседневной жизни.

Но мы должны признать, что далеко не все беспроблемно происходило и происходит на историческом пути развития религий. Нам бы хотелось обратить внимание на взаимодействие религий с политической властью, использование властью авторитета и влияния религии, т. е. на все то, что вызывает тревогу и беспокойство в современном обществе, в том числе и российском.

Именно этот аспект жизни религии – ее взаимоотношения с властью – породил в истории человечества самую чудовищную и бесчеловечную форму политического правления – теократию (от греч. *theos* – бог, *kratos* – власть).

Взаимоотношения религии и власти в связи с новыми явлениями в общественной жизни многих стран мира все больше начинают волновать политических деятелей, представителей интеллигенции и само население. Согласно научной традиции, именно аспект «религия и власть» рассматривается и в теории, и в реальной исторической практике как феномен теократии. Именно с этого и начнем мы свой анализ.

Часть 1. Сущностные характеристики теократии

Исторический экскурс

Первоначальные формы теократии на заре развития человечества воплощались во власти жрецов, шаманов и других представителей примитивного религиозного сознания, олицетворявших как духовное, так и светское начало. Постепенно выросли теократические государства, где верховная власть руководствовалась религиозными догматами.

Впервые термин «теократия» был употреблен Иосифом Флавием в его сочинении «Против Аппиона» (94 г. н.э.) при описании государственного строя иудеев, в котором правовыми нормами и основой государственной жизни были законы Моисея, трактуемые и изрекаемые первосвященниками и пророками. Власть первосвященников – верховных жрецов – в Иудее в VI в. до н.э. была ярким воплощением принципа теократии, что наглядно проявилось в той роли, которую они сыграли в судьбе Христа.

В дальнейшем феномен теократии неоднократно анализировался мыслителями древнего мира, средних веков, эпохи Возрождения и Просвещения, хотя сам этот термин в их творчестве не всегда употреблялся [Подробнее см.: Всемирная история религий мира 2006].

Новое и Новейшее время также были отмечены поисками истины во взаимоотношениях религии и политической власти, религии и государства. Религия с трудом, сопротивляясь, уступала права на определение норм и принципов организации политической власти. Но во второй половине XX в. произошел религиозный ренессанс, особенно ярко проявившийся в постсоветских государствах. Во властные отношения вовлекались представители различных религиозных конфессий, а в борьбе за достижение, сохранение и поддержание политической власти стала использоваться религиозная идеология. Все это способствовало укреплению клерикализма, орудием которого во все большей мере становилась включенность религии во властные отношения.

Основными признаками теократии как формы политического управления являются: религиозно-правовая регламентация всех сторон общественной и государственной жизни, осуществление судопроизводства по нормам религиозного права, политическое лидерство религиозных деятелей, провозглашение религиозных праздников государственными, притеснение или запрещение других религий, преследование людей по религиозным мотивам, активное вмешательство в сферу образования и культуры. Но что особенно важно – в теократических государствах устанавливается тотальный контроль за поведением, образом жизни личности, ибо ее статус определяется прежде всего и главным образом принадлежностью и приверженностью лица к религии и ее институтам. Поэтому правы те исследователи, которые подчеркивают наличие в теократиях авторитарности и даже тоталитарности. Теократия нередко существовала (и существует) в различных модификациях, в деформированных, неполных, частичных формах, что не уменьшает степени ее влияния на политические процессы и власть.

Вмешательство религии в дела государства нередко начинается с процесса клерикализации, которая присуща многим обществам, сопровождается проявле-

ниями религиозного экстремизма и экспансионизма. Последние, в свою очередь, нередко не ограничиваются мировоззренческими проблемами, а претендуют на власть или, по крайней мере, на серьезное на нее влияние. Все это вызывает необходимость разобраться, как и где и при каких условиях теократия смыкается с государственной властью и как они взаимно дополняют друг друга.

Что такое современная теократия?

Признавая некоторые общие, характерные для всех форм теократии черты, нужно обратить внимание и на различные трактовки и разные объяснения ее природы, ее функций и методов участия в политической жизни.

Первая и одна из наиболее распространенных точек зрения обычно связывает теократию с существованием клерикального государства, т. е. с выполнением религиозной иерархией основных политико-правовых функций. При такой трактовке государство выступает проводником, защитником идей религиозных предписаний; трактуется как нечто вторичное, производное от религии. Помимо древней Иудеи, наглядными примерами теократических государств были халифаты Омейядов, а затем Аббасидов в VII–VIII вв. Своеобразной формой абсолютной теократии являлась Османская империя, просуществовавшая до XX в. Одним из самых свирепых и бесчеловечных режимов было созданное иезуитами теократическое государство в Парагвае, просуществовавшее с 1610-го по 1768 г.

В России наиболее яркой попыткой реализации идей теократии были идеи и действия Патриарха Никона (1605–1681) – инициатора церковных реформ, породивших раскол и, как следствие, старообрядческое движение. Его тезис «священство выше царства» утверждал примат духовной власти над мирской, сравнивал первую с образом Солнца, а вторую – с образом Луны. Теократизм Никоновской концепции власти провозглашал подчинение всей государственной жизни нормам религии: церковный закон неприкосновенен, поскольку имеет высшую правовую силу по сравнению со светским правом. Начав гонения на старообрядцев, «церковь в лице патриарха втравила государство в ожесточенную борьбу с частью собственного народа. К тому же стремление духовного лица встать выше светского государя не имело под собой иной причины, кроме банальной борьбы за власть» [Кантор 2003, с. 14]. Интересный анализ периода раскола в Русской Православной Церкви представлен в других работах [Глинчикова 2008; Андреева 2001].

В наше время за абсолютно властный характер теократии выступают многие религиозные и общественно-политические движения ислама. Идеи всемирного халифата, который бы «осчастливил» всех людей на земле, были воплощены в деятельности современного Ирана и в многочисленных попытках шиитов установить господство ислама во всем мире.

Вторая точка зрения рассматривает теократию как мощное воздействие религии не только на дела государства, но и общества, что проявляется во вмешательстве во все процессы и важнейшие события в его жизни. Пример – Польша, где доля участия церкви в делах общества настолько значительна, что без нее практически невозможно представить решение мало-мальски важных вопросов, в том числе и в сфере политики. В определенной степени это относится и к Западной

Украине, где велико влияние Греко-католической церкви. Эти сущностные характеристики теократии присущи и многим мусульманским странам.

За такое соединение, гармонию общества, с одной стороны, и религии, с другой, ратовали многие мыслители прошлого, пытаясь примирить то, что не удавалось осуществить тысячелетиями. В современных условиях стремление к гармонизации отношений между обществом и религией чревато восстановлением института государственной церкви [Митрофанова 2004; Салыгин 1999].

Именно попыткой обеспечить политическое взаимодействие церкви и общества являются многие положения Конституции России и Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», в которых достаточно четко выражены тенденции клерикализации общественных отношений. Россия опять колеблется между крайностями, пытаясь найти баланс между церковью и обществом и государством, который, как показывает исторический опыт, возможен только при давлении, ведущей роли светского (мирского) над духовным при всей кажущейся привлекательности последнего [Сергеев 1997; Современная религиозная жизнь России 2004].

Третья точка зрения, признавая, что теократия принимала и принимает негосударственные формы участия в управлении, уделяет пристальное внимание идее мессианства, под знаменем которого происходили захваты европейскими колонизаторами территорий в Азии, Африке, Америке. Православная церковь тоже внесла посильную лепту в освоение Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии. В настоящее время мессианство особенно ярко выражено в исламе в жизнедеятельности шиитской общины.

Идеи мессианства распространялись и в России. Именно они положены в основу грандиозного утопического проекта «свободной теократии» В.С. Соловьева. Теократия, по его мнению, должна оживить веру, восстановить в мире истину и любовь, обеспечить свободу и полноту бытия. Теократия виделась философу заключительной стадией всеобъемлющего внутреннего и внешнего нравственного преобразования жизни, в котором сходятся все совершенные устремления человеческой индивидуальности и коллективности [Соловьев 1989].

При всей оригинальности и привлекательности идеи В.С. Соловьева были встречены суровой критикой со стороны многих российских мыслителей. Так, С.Н. Трубецкой считал русские мессианские мотивы иллюзией, которые, несмотря на их очарование, не могут быть претворены в жизнь, так как противоречат интересам многих народов России, противопоставляя их помыслам и устремлениям одного – русского – народа [Трубецкой 1994].

Однако в начале XXI в. иерархи церкви вновь обратились к идеям мессианства, провозгласив устами Патриарха Кирилла, что национальная идея должна базироваться на православии [Клин 2009].

Четвертая точка зрения трактует теократию как некий союз светских и духовных лидеров, совместно решающих проблемы общества и государства с учетом религиозных догматов. Этот принцип получил развитие в шестой новелле Юстиниана (483–565), который провозглашал симфонию (гармонию) во взаимоотношениях священства и царства, когда стирается непреодолимая граница между государством и церковью: они сливаются в единое образование, которое имеет конечной целью достижение божественного царства. Так, в Византийской империи,

которая олицетворяла воплощение этой идеи, признавались юридически равными церковное и светское право, что позволяет считать данное государство имеющим теократическую окраску.

Однако многие мыслители справедливо полагали, что ползучая теократия подчинит светские нормы, навязет обществу свои предпочтения. Ф.М. Достоевский в «Легенде о Великом Инквизиторе» показал лживость теократии, подменяющей нравственно-религиозные предписания надуманными императивами. В теократии, утверждал он, почитание Бога оборачивается благоговением перед государством, вера в божественное предназначение человека сменяется презрением к людям и установлением над ними жесткой опеки церковно-политической власти.

Еще одна точка зрения трактует теократию как возможность установления Царства Божьего на земле, когда верховным правителем всех без исключения дел является Бог или его мессия, по законам которых решаются все дела в мире. Такой подход в концепции мировой теократии был предложен В.С. Соловьевым, считавшим, что «реставрация византийско-римского средневековья» в идее главенства римского папы и русского императора могла бы спасти мир, избавить его от столкновений, обеспечить взаимопонимание и свободное развитие всех народов и стран [Соловьев 1997, с. 221; Амелина 2004].

В 1990-х годах эти идеи отстаивал В.В. Водовозов, трактующий теократию как «государственное устройство, при котором верховным правителем государства предполагается само Божество, изрекающее свою волю через посредство особо к тому предназначенных лиц, т. е. жреческого сословия или духовенства». Такой теократический принцип воплощался, по мнению сторонников этих взглядов, в государстве иудеев, где «верховными нормами государственной и общественной жизни являлись веления Божии, изложенные в законе Моисея и изрекаемые через посредство судей, пророков, священников» [Цит. по: Христианство... 1995, с. 19].

Кроме того, в научной литературе, посвященной клерикальным особенностям XX в., были выявлены три тенденции развития и функционирования теократий. Первая из них характеризует процесс постепенного отхода от религиозно-политических принципов организации власти в общее русло секуляризации общества (Израиль, Индия, Таиланд, Непал). Однако это процесс очень сложен, противоречив и неоднозначен. Так, в Индии провозглашена приверженность нормам светского права. А на практике последовательное отделение религии от политики не проводится. В Израиле до сих пор по религиозным мотивам отсутствует конституция страны.

Вторая тенденция связана, наоборот, с усилением теократического влияния в ряде государств (например, Пакистан, Марокко, некоторые бывшие республики СССР), в которых усложняются формы воздействия религии на светскую власть, возрастает их влияние. Так, в Пакистане создан Совет исламской идеологии, который определяет соответствие законодательных актов принципам ислама. Показателен пример исламских государств, в 40 из которых ислам закреплен в качестве государственной религии. В России также наблюдаются попытки церкви вмешаться в важные общественные дела (выбор учебников для средней школы, требование о введении в армии института священнослужителей).

Третья тенденция свидетельствует о том, что появились стертые, но не менее влиятельные формы вмешательства представителей различных конфессий в поли-

тическую жизнь страны, нередко сопровождавшиеся ростом влияния экстремистских форм религии. Идеологией теократии все больше становится религиозный мессианизм, религиозный фундаментализм и религиозный радикализм. Именно в XX в. возродились религиозные войны: между католиками и протестантами в Северной Ирландии, между сторонниками ислама и христианства на Кипре, в Судане и некоторых странах Африки, в Индонезии. Одной из причин трагедии Югославии является незатухающая конфронтация между представителями православия, католицизма и ислама, которые говорят на одном (!) языке.

Итак, современная теократия является формой государственного правления, при которой политическая власть осуществляется в условиях религиозной регламентации государственной и общественной жизни.

Теократия и общественное сознание

Теократия не чужда общественному сознанию. На наш взгляд, справедливо отмечает Л.Н. Митрохин, что дихотомия религиозного и светского сознания «на первый взгляд представляется несомненной: история изобилует острыми, часто кровопролитными столкновениями на религиозной почве, а становление духовной культуры отмечено напряженным противостоянием теизма и атеизма (“научного мировоззрения”). Но это сфера видимостей, самосознание эпохи, а не ее реальное содержание. Подлинные причины подобных коллизий разместились не на уровне метафизических размышлений, а в сфере политики и идеологии, ее охранявшей» [Митрохин 1997, с. 472]. Подобное мнение высказывают и другие авторы [Сьюэлл 2005; Левинсон 2003].

Теократические устремления опираются прежде всего на такие интенции общественного сознания, как поиск силы, которая защитит человека, позаботится о нем, создаст условия для благополучия в сегодняшней и будущей жизни. В желании найти опору в общественном сознании под влиянием объективных и субъективных причин созревает представление о Боге, царстве Божьем. В надежде на благополучие человек не возражает, а даже желает подчиниться высшим силам или их представителям на земле.

Не менее отчетливо в общественном сознании проявляется жажда справедливости, которую многие ищут в верованиях. И это вполне оправданно, так как большинство верований осуждает алчущих богатства, критикует неравенство, негативно относится к насилию. Нередко вера становится не только беспредельной, всеохватывающей, но и создает определенный запас прочности для теократических режимов, ибо выступать против власти – это выступать против высших сил в мире [Верховский 2003; Мчедлов, Гаврилов, Шевченко 2002; Синелина 2006].

Стремление к справедливости, по мнению К. Каутского, сближает идеи христианства (особенно раннего) с идеями утопического коммунизма. Он делает вывод, что «замечания, призывы, требования, пожелания (первых христиан. – Ж. Т.) всюду одинаково указывают на коммунистический характер первоначальной христианской общины» [Каутский 1990, с. 313]. Это стремление к справедливости вечно. Его можно потеснить, но не искоренить.

Серьезной опорой теократии становятся постулаты религии о нравственности. Эти нравственные нормы переносятся на представителей религиозной власти,

которые – в представлении верующих – становятся их носителями. Русская Православная Церковь обратила внимание на этот аспект в жизни людей, и поэтому на Всемирном Русском соборе в апреле 2006 г. ею была провозглашена официальная позиция о высоком долге нравственных основ в реализации прав и свобод человека. Некоторое соответствие сказанному демонстрируют результаты опросов общественного мнения, свидетельствующие о том, что в переходный период, в котором находится наша страна, церковь является одним из институтов, пользующихся наибольшим доверием.

Вместе с тем следует особо отметить, что теократические режимы культивируют нетерпимость к инакомыслию, к отступлениям от канонов веры и соответственно готовы к осуществлению кары за «отступление от веры». Именно этой нетерпимостью можно объяснить делящиеся уже десятилетиями столкновения между католиками и протестантами в Северной Ирландии, между христианами и мусульманами в Индонезии и на Филиппинах, между буддистами и исламистами в Индии и Пакистане. Особенно опасна проповедь джихада (священной войны против неверных) радикальными исламскими силами, что особенно наглядно проявилось в Афганистане в конце XX в. Идеи джихада усилено пропагандируются в Индонезии, что уже привело к кровавым столкновениям. Эти идеи были реализованы в Чечне и латентно – в Дагестане, Ингушетии, частично – в Кабардино-Балкарии.

И наконец, следует обратить внимание, что теократия поддерживает в общественном сознании такие его черты, которые мобилизуют агрессивные действия людей, нацеленные на захватнические и просто мародерские акции. Например, крестовые походы с мнимой целью защиты «гроба Господня». Именно экстремистскими устремлениями была спровоцирована первая религиозная война на территории бывшего СССР – в Таджикистане [Ротарь 1999; Ланда 2005; Игнатенко 2004]. На войну с «неверными» делали ставку и чеченские боевики.

Многие мыслители XIX и XX вв. приходили к выводу, что теократия, несмотря на то что она опирается на высоконравственные учения, воплощающиеся в каждой религии, порождает крайне жестокие и бесчеловечные формы взаимоотношений людей и власти. Реальные теократические режимы, когда-нибудь существовавшие в истории человечества, в большинстве случаев были самыми кровавыми и свирепыми формами политического управления. Только в период существования Священной Римской империи на кострах Инквизиции погибло более 10 млн человек [Григулевич 1985]. Огромной кровью в процессе распада Югославии оплатили конфликты сербы, хорваты и боснийцы, будучи представителями одного этноса, но различных религий. На основе принципов шариатского суда были уничтожены явные и скрытые противники режима в Иране. Попытку вернуться к религиозному фундаментализму осуществляли руководители Чечни – Ичкерии, что привело к актам публичной казни людей, возрождению норм шариата, попирающих достоинство людей.

Возникновение новых теократических государств в современном мире весьма затруднено. Влияние религии на политические процессы во многих странах, в том числе и в странах ислама, ослабло. Одной из примет времени также является практика самостоятельной трактовки Святого Писания, к которой обращается современный гражданин Земли, не доверяя посредникам в виде церкви и ее служи-

телей общаться с Богом, что также препятствует теократическому экспансионизму [Шахназаров 2000, с. 160–161].

В современном мире складывается еще одна парадоксальная ситуация. С одной стороны, дискредитировано религиозное объяснение мира, конфессиональные институты теряют свою социальную и культурную способность навязывания веры и регулирования религиозной практики. С другой стороны, модернистские установки и практическая деятельность государств создают благоприятные условия для распространения веры. Напрашивается вывод, что секуляризация – это не потеря религии, а совокупность процессов перестройки веры и ее взаимодействия с властью, что наблюдается как во всем мире, так и в каждом конкретном государстве, в каждом конкретном обществе [Религия и общество 2002; Религия и политика на рубеже двух тысячелетий 2000].

Процесс взаимодействия религии и власти происходит в основном в двух плоскостях – использование религии государством и участие религии в осуществлении политической власти. Рассмотрим эти постулаты подробнее.

Часть II. Государство как субъект теократии

История знает различные комбинации взаимоотношений государства и религии. В современных условиях происходят серьезные изменения в этих взаимоотношениях. С одной стороны, ряд государств максимально дистанцируются от процессов клерикализации. С другой стороны, наблюдается все возрастающее стремление религий и их представителей активно участвовать в политической жизни, претендовать на власть, что с полным основанием можно назвать клерикализацией и теократизацией государственной и общественной жизни.

Формы взаимодействия государства и религии

Первую группу образуют государства, которые не скрывают своего теократического характера, в них духовная и светская власть неразделимы, а основой всей государственности являются религиозные догматы и каноны. Это Иран, Судан, до недавнего времени Афганистан. Эти страны не ограничивались установлением теократического режима – они пытались активно экспортировать эти идеи, навязать другим странам. Своеобразно теократические новации реализовывались в Саудовской Аравии, становлению которой во многом способствовало то, что у ее истоков стоял ваххабизм, со временем превратившийся в воинствующее религиозное течение. И то, что это государство было создано и устоялось, ваххабиты приписали к своим заслугам – как умение формировать и удерживать власть именно на религиозной основе [Добаев 2003а, с. 4]. Но если в самой Саудовской Аравии был найден относительный компромисс между властью и мусульманским духовенством (хотя и прерывающийся столкновениями, вплоть до силовых методов), то в других странах ваххабизм приобрел воинствующие формы. Он постепенно распространился на Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты. Именно ваххабиты Саудовской Аравии содержали моджахедов в Афганистане как по идеологическим, так и по религиозным соображениям.

Ко второй группе можно отнести страны, где существует «господствующая» (государственная) религия, которой даны основные приоритеты по регулированию общественной жизни и участию в определении судеб отечества. Это Греция, Пакистан, Ливия, Мавритания, Израиль, Норвегия.

К этой форме правления прибегли в таком проблемном государстве, как Босния, которое образовалось после распада Югославии. А так как и это государство состоит из трех анклавных территорий, населенных сербами, хорватами и мусульманами, то все они взяли на вооружение религию. Так, Боснийская Республика сербов провозгласила православие официальной религией, все религиозные праздники стали отмечаться на государственном уровне, а в школе в качестве обязательного предмета был введен Закон Божий. Аналогичные меры были приняты и в хорватской Боснии, где ориентиром в государственных делах стал католицизм. Боснийские мусульмане реализовывали призыв своего бывшего премьера Изетбеговича «Одна страна – одна религия». Причем ислам здесь стал приобретать экстремистское направление, в частности, под влиянием добровольцев-ваххабитов из мусульманских стран. Примечательно, что дистанцированию боснийских мусульман от сербов послужили «научные» и пропагандистские усилия: мол, боснийцы не славянского происхождения. Между тем они продолжают говорить на сербском языке, а небольшие нюансы в диалекте не позволяют, по мнению лингвистов, говорить об отдельном языке. То есть религиозный фактор приобрел во всех трех частях этой страны государственное одобрение и поддержку [Лукина 2006, с. 133].

Третью группу составляют так называемые поликонфессиональные государства. Напомним, что на денежных знаках США написаны слова «In God we trust». Присяга президента на Библии происходит в присутствии глав основных религиозных объединений. По мнению экспертов, США все больше превращаются в религиозную страну, где протестантизм все же «правее» и «нужнее», чем все остальные. Уже президент Д. Эйзенхауэр провозгласил эту формулу: «Мы в Бога верим». В Капитолии была открыта молельная комната. В официальных клятвенных текстах начало «по воле Божьей» стало обязательным. Эту тенденцию продолжили и другие президенты США. Билл Клинтон после скандала с Моникой Левински объявил: «Мне нужен совет от пастырей и других людей, чтобы с Божьей помощью и у других появилось желание простить меня», и чтобы три пастора – Фил Уогаман, Тони Камполо и Гордон Макдональд – «наставляли меня по крайней мере раз в месяц» [Цит. по: НГ. Ex libris. 2005]. Подчеркивает свою религиозность и Буш-младший. Творец всего сущего – неперемный персонаж его речей, нередки сентенции типа «Бог на нашей стороне», «Бог с нами», «мы с Богом не можем потерпеть поражение» и т. д. На вопрос, кто, с его точки зрения, является наиболее политическим философом, Дж. Буш ответил: «Христос, потому что он изменил мое сердце». Религия, в основном евангелического толка, стала опорой республиканской партии и гарантом ее победы на выборах [Цит. по: Уткин 2005].

Четвертая группа – это светские (внеконфессиональные и нерелигиозные) государства. Например, Франция, которая явно дистанцируется от любой религии. Неудивительно, ведь в конце XVIII в., после Французской революции, эта страна объявила себя секулярным государством и развивается под знаменем триколора, с «Марсельезой», с лозунгом «Liberte, egalite, fraternite» (свобода, равенство, братство).

Пятую группу образуют государства и конфессиональные, и религиозные, такие как скандинавские страны, Великобритания, Германия. В Швейцарии конституция начинается словами «Во имя Всемогущего Бога, аминь».

На этом пути стоит и современный Ирак, который, по мнению экспертов, постепенно превращается в страну с теократической формой правления.

Шестую группу представляют страны, где во имя «стратегических» политических интересов возрождаются этапы, которые они прошли. Обычно это происходит под давлением конъюнктурных обстоятельств, как это было сделано в Грузии при Шеварднадзе. Эта рехристианизация (в мусульманских странах происходит реисламизация) выглядит нелепо, ибо во всем мире, по крайней мере христианском, ведутся работы по секуляризации государственно-религиозных отношений (например, в Италии, Норвегии, Греции) [Подробнее о типологии теократических государств см.: Тощенко 2007; Большаков 2003].

С определенными оговорками к этой группе можно отнести и Россию, в которой стало привычным явление, называемое политическим православием и политическим исламом. Представители РПЦ все чаще претендуют на участие в решении политических проблем государства. Как показывают итоги работы I Всемирного саммита религиозных деятелей (июль 2006 г., в преддверии саммита «большой восьмерки» в России), государство в свою очередь считает РПЦ эффективным инструментом внешней политики.

При рассмотрении политического ислама нередко ссылаются на опыт Таджикистана, где он легально структурирован и интегрирован во властную структуру. Правда, некоторые эксперты полагают, что данный пример говорит не о рациональном взаимодействии государства и религии, а о первом, скрытом этапе создания исламского государства и распространении этого опыта на другие страны, в первую очередь на государства Средней Азии и Казахстан [Природа этно-религиозного терроризма 2008].

И наконец, есть государства, которые по названию являются светскими, но активно поражены клерикальными процессами. Это, конечно, Россия, хотя в Конституции Российская Федерация провозглашается светской страной, в которой «никакая религия не может устанавливаться государственной или обязательной» (ст. 14). Как убедительно показывает Ф.В. Овсиенко, в России нет четкой демаркационной линии между государством и религией, где кончается государственная жизнь и начинается конфессиональная [Овсиенко 2002, с. 29].

Поэтому мы сейчас и наблюдаем вмешательство церкви практически во все сферы общественной жизни. Следует напомнить, что государственная поддержка традиционной религии (православия), так же как и политика Православной Церкви по отношению к самодержавию, явились одними из предпосылок революции 1917 г., что привело к краху как государства, так и тогдашней церкви [Андреева 2001]. Поэтому справедливо утверждение, что церковь призвана не управлять светской властью, не курить ей фимиам: она должна громко осуждать ее нравственные ошибки (например, с монетаризацией, о чем церковь скромно умолчала), благословлять на добрые дела, обнаруживать и исцелять духовные язвы народа. Именно этого от нее ждут люди – быть совестью России. В ином случае – церковь захлестнет новая волна отчуждения, потеря авторитета, рост светского и даже религиозного антиклерикализма [Бабкин 2007].

Между тем религия окончательно перестает быть частным делом. Государству предложена концепция социальной программы развития как со стороны православия, так и со стороны ислама. Государство больше не возражает против частичной клерикализации, политики и заинтересовано в том, чтобы получить высшую (церковную) легитимацию своих действий, которую ему предлагают две основных религии России – православие и ислам. Но приоритет отдается православию, и церковь уже в полной мере, по выражению патриарха, «сотрудничает» с ним [Цит. по: Малащенко 2001; Политическое православие 2005].

И наконец, стоит сказать об уникальном международном объединении государств, которое имеет ярко выраженный религиозный оттенок. Речь идет об Организации Исламская конференция, которая была создана в 1969 г. Она объединяет практически все государства (57), в которых мусульмане составляют большинство населения. Подобных организаций нет ни в христианском, ни в буддийском мире. При этой организации действует ряд самостоятельных организаций, деятельность которых координируется генеральным секретарем или находится под его влиянием. В их числе Исламский банк развития, 25% капитала которого складывается за счет саудовских финансовых вложений; Лига исламского мира, занимающаяся пропагандой ислама и оказанием поддержки исламским учебным заведениям, Высший совет мечетей; Фонд исламской солидарности, целью которого является оказание материальной и религиозно-идеологической поддержки мусульманским меньшинствам за рубежом; Международная исламская организация спасения, которая призвана оказывать помощь всем нуждающимся мусульманам мира, черпая средства из сборов мусульманского налога закят; Всемирная лига исламской молодежи, Исламское агентство новостей и т. д. Все эти организации так или иначе находятся под влиянием и воздействием мусульманской идеологии или Организации Исламской конференции [Игнатенко 2001].

Способы решения государственно-религиозных проблем

Во всем мире применяются различные меры по регулированию государственно-религиозных отношений.

Так, одним из механизмов давления остается война как средство решения назревших проблем и конфликтов, что прикрывается заботой или тревогой за религиозные ценности. В XX в. это наиболее ярко проявилось на территории бывшей Югославии, где под прикрытием конфессиональных лозунгов решались политические и экономические вопросы, определялась стратегия борьбы за власть. То же самое происходило и во время ирано-иракской войны, когда властные претензии суннитских и шиитских лидеров разрешались при помощи широкомасштабных военных столкновений. Ряд стран, тратя огромные средства на приобретение и производство военной техники и боеприпасов, делают все, чтобы овладеть атомным оружием. Такие страны, будучи враждебно настроены против соседей, автоматически превращаются в угрозу для всей планеты [Хаизов 1998].

Во-вторых, нередко одной религии отдается явное предпочтение в ущерб другой, хотя формально законодательством может быть провозглашено равенство всех конфессий. Реальное государство без излишней декларации (а иногда, например, в ряде европейских и азиатских стран – конституционно, на уровне национально-

го законодательства) ранжировало религии (классификационным параметром может выступать количество последователей, государство- или культурообразующая роль религиозной традиции, политическая лояльность, степень социальной адаптивности и т. д.) [Журавский 2004, с. 280]. Кроме того, теократы всюду используют межконфессиональные различия и противоречия. Так, официальная власть на Украине явно и неявно благоволит Украинской православной церкви Киевского патриархата. Православная церковь Московского патриархата рассматривается как проводник интересов России. Именно поэтому власти в Киеве заняли позицию невмешательства в случаях, когда церковные здания и сооружения захватывались представителями других православных или униатских церквей.

В-третьих, государство совместно с церковными иерархами использует внутриконфессиональные противоречия и поэтому не прочь подчинить себе даже родственные церкви, как, например, в случае с позицией Румынии по отношению к своим собратьям в Молдавии. Румынский патриарх Феоктист в 1991 г. публично призвал к немедленному политическому объединению двух государств – Молдавии и Румынии. И сам попытался ускорить этот процесс в попытке объединить две православные церкви, хотя Молдавская митрополия находилась под юрисдикцией Московского патриархата. И хотя последняя потребовала соблюсти все принятые экуменические и канонические правила объединения, румынские иерархи не захотели ждать и объявили, что берут под свою опеку Бессарабскую митрополию, которая существовала в Бессарабии, когда она входила в состав Румынии. Это событие имело ярко выраженный политический привкус. Не желая мирно разобраться в этом вопросе, раскольники подали в Страсбургский суд жалобу на то, что власти Кишинева не желают признавать Бессарабскую митрополию. И хотя ее представитель, лорд Финсберг, признал, что не видит никаких различий между догматами этих церквей, что признание Бессарабской митрополии было бы актом против суверенитета и независимости Республики Молдова, Румыния не ограничилась протестом только со стороны церкви – вмешалась и сама политическая власть, подтвердив тем самым, что это дело с полным правом можно отнести к религиозно-политическим процессам [Стати 2001].

Практически такой же конфликт возник между православными церквями в Эстонии. Внутриконфессиональные противоречия использовали первые правительства Эстонии, призвав из Швеции православную церковь в изгнании, отобрав все имущество и отказав в регистрации Русской Православной Церкви. Более того, они добились от Константинополя, чтобы православная церковь подчинялась не Москве, а Таллину. В результате возникли две православные церкви, которые в известной мере повторили судьбу таких же церквей на Украине: одна была «своя», а другая – «чужая», так как была сторонником России, чего очень не хотели официальные политические структуры Эстонии. Потребовались годы, чтобы и Русская Православная Церковь Московского патриархата была официально признана. Имущество ей не возвратили, но сдали в аренду за символическую плату – два рубля. Иначе говоря, официально поддерживалась церковь, в которой видели определенное противостояние России, что лишней раз подтверждало – религиозные дела используются в политических целях.

В-четвертых, теократические притязания проявляются в случае различного подхода к трактовке и претворению в жизнь религиозных канонов и догм. Так,

к трагедии, выразившейся в межконфессиональных столкновениях в Нигерии в 2000 г., привел тот факт, что в части провинций, где живет мусульманское население (в стране живут и значительное число христиан и представителей других конфессий), местные правительства решили ввести шариатские суды. Однако не все штаты населены только мусульманами, поэтому такое рвение вызывало бурный протест, приведший к значительным жертвам, и не замедлило сказаться на всех общественных отношениях в стране [Тарутин 2001].

В-пятых, теократические тенденции проявляются в желании угодить, в неразборчивости, в ложно понятом следовании моде. Так, в России в годы перестройки и в первые постперестроечные годы на всех уровнях административной организации общества религиозные деятели активно вмешивались в предвыборную борьбу, и в основном на стороне властей предрержащих. Соответственно получившие власть чиновники не остались в долгу перед агитирующими за них священнослужителями: в ряде областей, краев и республик священнослужители получили столько благ и преференций, о которых несколько лет назад они не могли и мечтать.

Обращение за поддержкой к религии во время избирательных кампаний весьма характерно для стран, где католицизм имеет огромное влияние (Польша, Испания, Литва).

Иногда теократические государства (такие как Саудовская Аравия, Иран) действуют не напрямую, даже не через спецслужбы, а через частные структуры, различные общественные фонды, неправительственные религиозные, общественные организации.

Методы государственного взаимодействия с религией

Прежде всего стоит отметить, что клерикализация государства начинается с доступа религиозных деятелей к принятию государственных решений. Каналами такого доступа являются парламент страны, а также различные виды представительных и законодательных органов. Так, в Ливане, который состоит из многих этнических групп и не меньшего количества вероисповеданий, имеются политико-религиозные образования и объединения, имеющие представительство в парламенте и одновременно свои вооруженные силы, действующие наряду с ливанской армией. В европейских странах эта норма – присутствие в законодательных и исполнительных органах – не всегда соблюдается, хотя церковь если не прямо, то косвенно имеет силы, лоббирующие ее интересы.

Что касается России, то священнослужители в условиях царской России всегда прямо или косвенно входили в группу политических сил, которые принимали решения. Особенно наглядно участие в управлении делами государства и общества проявилось во время функционирования земских собраний и Государственной Думы I–IV созывов. В период советской власти религиозные деятели были полностью отстранены от участия в выработке официальной политики, за исключением последних лет перестройки, когда в Верховный Совет СССР и РСФСР были избраны представители основных религий. Эта процедура существовала до 1993 г. К этому времени руководством РПЦ была признана нецелесообразность прямого участия посланцев церкви в работе законодательных и представительных органов.

Однако стремление церкви вмешиваться в политику росло, и к концу 1990-х – началу 2000-х годов церковь стала изыскивать различные формы этого вмешательства. В результате представители основных религий вошли в многочисленные комитеты, советы, центры и организации, которые занимались проблемами, имеющими как общественное, так и государственное значение. Причем это участие стало своеобразным ритуалом, без которого уже не обходились ни центральные, ни региональные, ни местные органы власти. Поэтому вполне логичным стал и такой акт: при формировании Общественной палаты как некоего общественного органа, надзирающего над всеми органами власти и отслеживающего проблемы существующего российского общества, в ее состав были введены представители только шести конфессий. Но это решение сразу же вызвало обострение во взаимоотношениях с другими религиозными организациями и объединениями, ибо в эту палату не были приглашены представители баптистов, католиков, старообрядцев, лидер Конгресса еврейских религиозных общин и организаций А. Шаевич и глава Центрального духовного управления мусульман России и европейских стран СНГ Т. Таджуддин. По справедливому замечанию Патриарха Кирилла, в то время бывшего митрополитом, «участие всех религиозных организаций страны в работе палаты невозможно, а элитарное представительство неизбежно разделит религиозное сообщество России». [Цит. по: НГ-религии 2005, 5 октября]. Все это лишнее раз доказывает, что участие священнослужителей во власти (особенно в многоконфессиональной стране) имеет весьма серьезные изъяны, которые могут обернуться конфронтацией между различными вероучениями.

Во взаимодействии с религией государства стремятся показать себя с лучшей стороны, как проявляющие заботу о судьбах всего населения и каждого человека, независимо от его вероисповедания. Так, по мнению посла Саудовской Аравии в России Мухаммада Хасана Абдель-Вали, его страна заботится в первую очередь о развитии отраслей экономики, которые напрямую затрагивают благосостояние граждан, стремится обеспечить их безопасность, а также упрочить основы национального единства и сохранения исламских и арабских ценностей, создает условия для творчества и внедрения новейших достижений в области культуры, образования, здравоохранения и социального обеспечения. [См.: Дипкуррьер НГ 2001]. Это ли не образчик создания благоприятного имиджа своей страны? Тем более что для этого имеются все основания: богатство страны используется для повышения уровня жизни народа. Хотя не говорится о другом: что из Саудовской Аравии осуществляется поддержка многих радикальных и экстремистских течений, что основная часть террористов-смертников, находившихся в самолетах, врезавшихся в башни-близнецы 11 сентября 2001 г., была именно из Саудовской Аравии.

Активно финансируется и поддерживается идея создания мирового халифата: по подсчетам его сторонников, уже 1 млрд людей исповедуют ислам. Предполагается создание промежуточных форм – локальных халифатов, вроде Центрально-Азиатского.

Мощно используются и получившие распространение религиозный терроризм и фанатизм. Одни страны поддерживают их открыто, другие – используют исподволь, третьи – смотрят сквозь пальцы, четвертые не могут с ними справиться. Эти методы используют и сами религиозные экстремисты, когда они ставят задачу добиться своих теократических целей, как это реализуется сепаратистами в Синьцзян-

Уйгурском автономном районе Китая, в Кашмире, в Чечне, на Филиппинах, Кипре. Прикрываясь в своих действиях знаменами религиозных верований, такие государства, как Судан, Ливия, и долгое время Пакистан, стали местом пребывания экстремистов и преступников. Так, например, Пакистан в 1970–1990-е годы был прибежищем моджахедов и покрывал экстремистов, даже если их разыскивали за совершенные преступления другие государства. Такая политика была оправдана до тех пор, пока Пакистан выполнял роль форпоста в борьбе с Советским Союзом. А сейчас ситуация изменилась. И собранные здесь силы стали уже угрозой самому государству, тем более что они поддерживаются и внутренними экстремистки настроенными религиозными партиями и организациями [Плешов 2001].

Ряд государств для ограничения теократических притязаний создают комитеты (советы) по регулированию государственно-религиозных отношений. И если Россия в начале 1990-х годов, а Украина недавно (2005 г.) ликвидировали соответствующие органы по регулированию этих отношений, то многие страны считают, что такие органы должны быть. Так, в Узбекистане с 1992 г. существует Комитет по делам религии при Совете Министров, который занимается всеми вопросами религиозной жизни. Есть координационные советы по взаимодействию с религиями во Франции, Германии и ряде других стран.

Среди «методов» (если назвать их таковыми) используются провокации, явные или стихийные, когда своей недальновидной политикой государство усиливает религиозность и порождает теократические амбиции. Именно колоссальные ошибки правления Ельцина в отношении Чечни привели, по выражению Дудаева, к тому, что «Россия вбила нас в ислам» [Известия 2001, 22 декабря]. Чеченские лидеры начинали акции неповиновения как абсолютно свободные от влияния религии. Не было там никакого религиозного фактора. Но затем им пришлось прибегнуть к исламу и сделать его эффективным оружием в борьбе с Россией. В дальнейшем ошибку усугубили: Россия не смогла в Чечне отделить экстремистов от сторонников традиционного, народного ислама, уравнив тех и других и превратив их в своих врагов. Попытки исправить положение, которые предпринял Ахмат Кадыров (а он был и религиозным лидером), мало что изменили, потому что ошибки превратились в застарелую болезнь.

К методам взаимодействия государства и религии нужно отнести феномен этнизации религий, что в большинстве европейских государств воспринимается как реальная опасность разделения на национально-религиозные сообщества. В этой связи важнейшей становится реакция правительств на проблему этносоциальной поляризации религиозных течений. Западные аналитики явления такого рода рассматривают как один из феноменов антидемократичности. Что касается России, то ее национальные, стратегические и геополитические интересы, тесно связанные с мусульманским миром, не позволяют рассматривать эти процессы только как антидемократические – они, скорее всего, могут быть охарактеризованы как феномен единства в многообразии, когда национальные и религиозные традиции учитываются при решении всех общественных проблем.

По мнению экспертов, требуется новая модель взаимоотношений между государством и различными конфессиями, которая бы учитывала новые потребности, в том числе и претензии религий на участие в политической жизни. Но в чем это участие должно состоять, предстоит решать. Причем надо исходить из интересов

будущего. Есть достаточно убедительные гипотезы о том, что через 20 лет треть россиян будут составлять «этнические мусульмане, в обеих столицах их число будет доходить до 40%, а в армии – до 50% [Попова 2001]. И очевидно, что существующая модель взаимоотношений государства и религий, ориентирующаяся в основном на одну религию – православие, не отвечает потребностям времени: требуется более гибкая политика во взаимоотношениях со всеми конфессиями на основе взаимодействия, а не конфронтации и деления религий на разные виды.

Государство может действовать при помощи законодательства. По мнению известного литературного критика и культуролога Льва Аннинского, «государство должно оберегать не Церковь, оно должно оберегать законность, в пределах которой Церковь может утешать людей, в поте лица своего выдерживающих давление свинцовой государственной длани» [Цит. по: Утяшев 2004].

Между тем законы, в том числе и касающиеся религии и религиозных организаций, трактуются в зависимости от ситуации и достаточно произвольно, особенно если это касается религиозных меньшинств. Реальностью стали факты правоприменительной практики, которая в первую очередь удовлетворяет претензии и пожелания православных священнослужителей и лоббирующих их интересы политиков, а не представителей других конфессиональных объединений.

Актуальной остается проблема о судебном преследовании лиц, возбуждающих религиозную рознь, призывающих к насильственным действиям. Даже в Великобритании после терактов в лондонском метро в 2005 г. премьер-министр Тони Блэр призвал к принятию жестких мер по пресечению враждебной религиозной пропаганды, конфессиональной неприязни, финансовой и моральной поддержки экстремистов.

Не исключается и применение мер экономического и финансового воздействия, нацеленных на подрыв и разрушение инфраструктуры религиозного экстремизма и фанатизма.

Современные реалии государственно-религиозных отношений

Современный опыт строительства и установления государственно-религиозных отношений не только разнообразен, но и неоднозначен. Если 1980-е годы прошли под знаком усиления политической активности радикальных исламистов в главных центрах мусульманского мира (Иране, Египте, арабских странах Персидского залива и др.), то в 1990-е годы их усилия перемещаются на периферию, в основном, туда, где мусульмане никогда не представляли большинство населения (страны Западной Европы) или где ранее были утрачены идеологические позиции (в Россию, страны Центральной Азии). Эта тенденция в полной мере соответствует концепции С. Хантингтона, выступившего с предостережением о возможном столкновении западной и восточной цивилизаций. В этот же период произошло изменение курса политики западных держав: актуальной стала борьба не с безликим и неопределенным «международным исламским терроризмом», а с конкретными происламскими террористическими организациями [Общие соображения по поводу отделения церкви от государства 2006].

Применительно к ситуации в России можно сказать, что ее официальные государственные деятели (такие советники Ельцина, называвшие себя специалистами

по национальному вопросу, как Старовойтова, Шахрай и др.) не могли четко разделить этнический и религиозный сепаратизм, в результате чего появились решения, которые привели к обострению ситуации, особенно на Северном Кавказе, и способствовали распространению на этой территории идеи исламского государства.

В Россию в свое время под провозглашенное соблюдение свободы совести хлынул поток миссионеров разного сорта и мастей. Лишь к концу 1990-х годов, осознав опасность ложно понятого принципа свободы совести, государство приняло другой закон, который работал скорее на тактические, а не на стратегические цели, вызвав как несправедливые, так и справедливые претензии со стороны многочисленных конфессий. Но до сих пор ясно одно – Россия так и не обрела точной стратегии по отношению к религиям, тем самым способствуя проявлению и поддержанию теократических амбиций.

Долгое время эта неразборчивость вела к разгулу разномастных религиозных радикалов. И только в феврале 2003 г. официальные власти приступили к решительным действиям: Верховный суд России признал террористическими 15 радикальных исламских организаций, а их деятельность на территории России была запрещена. Среди них как международные (зарубежные) организации («Аль-Каида» Усамы Бен Ладена, «Братья-мусульмане», «Аль-Джихад» (Египет), «Хизб ут-Тахрир», движение Талибан, ряд организаций, чьи центры расположены в Ливане, Пакистане, Саудовской Аравии), так и внутрироссийские («высший военный маджлис уль-Шура объединенных сил моджахедов Кавказа», «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана», созданные в Чечне и возглавляемые Басаевым и Удуговым) [Силантьев 2007]. Принятие этих актов в немалой степени сдерживалось демагогией ряда правозащитных организаций, которые оперировали понятиями прав и свободы человека, в то время как религиозные экстремисты не гнушались гибелью огромного количества людей.

Непоследовательность государства дополняется непоследовательностью региональных и местных органов власти. Так, весной 2005 г. разгорелся скандал в связи с выделением крупных средств православной церкви в Нижегородской области. Мусульманская община обвинила власти в финансовой дискриминации ислама, ибо не получила финансирования на праздник татарской общины «Федеральный сабантуй». В своем протесте руководители мусульман ссылались на то, что на празднование юбилея Серафима Саровского было истрачено 50 млн руб., в то время как они получили отказ. Фактически с этим протестом согласилась и еврейская община. Трудно что-либо возразить, ибо, во-первых, церковь отделена от государства и почему налогоплательщики должны нести расходы на религиозные дела, тем более что среди них есть достаточное количество неверующих. Во-вторых, почему выделяется одна конфессия и забываются другие? [См.: Независимая газета 2004; отклик Ж.Т. Тощенко на эту акцию см.: Известия 2004, 1 октября].

Нередко федеральные и региональные власти не обращали внимания на политизацию ислама. Это на большом конкретном материале на примере Северного Кавказа показал И.П. Добаев [Добаев 2003а].

Стоит особо остановиться еще на одном (возможно, решающем) методе строительства государственно-религиозных отношений. Это своевременный, постоянный и обстоятельный анализ общественного сознания, его состояния, учет мнений и суждений людей по актуальным вопросам, в том числе и касающимся

государственно-религиозных отношений. В этом тонком вопросе следует принимать во внимание реакцию людей на взаимодействие государства и церкви, когда речь идет о возможности государства и ее деятелей руководствоваться тем, что связано с догматами церкви (см. табл. 1).

Таблица 1. Следует ли российским властям руководствоваться в своих действиях религиозными убеждениями? Сентябрь 2005 г. N = 1600 (в % к числу опрошенных)

	Сентябрь 2005	Сентябрь 2007
Определенно да	13	6
Скорее да	30	23
Скорее нет	26	31
Определенно нет	20	27
Затрудняюсь ответить	11	14

Источник: Общественное мнение-2005. Левада-Центр. С. 129 (<http://www.levada.ru/om2005.html>); Общественное мнение-2007. Левада-Центр. С. 194 (<http://www.levada.ru/om2005.html>).

Данные таблицы 1 позволяют говорить о противоречивости и неоднозначности общественного сознания. Ясно одно – противников тесного взаимодействия государства с церковью больше, чем его сторонников. Чиновники же выступают за содружество с церковью, особенно не разбирая, по каким проблемам оно возможно, а в каких случаях следует воздержаться.

В работе российского государства с религией есть весьма сомнительные решения. Зачем, например, в гимн светского государства вводить слова о Боге – «храняемая Богом родная земля!»? По мнению А. Никонова, главного редактора журнала «Новый безбожник», эта строка «противоречит принципу равенства свобод граждан, независимо от религиозной принадлежности, поскольку исключает равный подход к гражданам, реализующим свободу совести в форме отрицания религиозного мировоззрения» [Цит. по: Чугаев 2003]. И в самом деле – ведь религиозные чувства, вера – вещи чрезвычайно интимные, глубоко личные. И нужно ли их эксплуатировать в политических целях?

Последствия этой конфессиональной неразборчивости печальны. Как пишет А. Шорохов, «победная истерия (по поводу разгрома Югославии и победы в Косово. – Ж. Т.) схлынула, и уже нетрудно расслышать за непрекращающимися взрывами на южной окраине Европы отзвуки грядущих потрясений в самом ее сердце, а сквозь руины Свято-Троицкого храма в городе Джаковица разглядеть обломки Руанского собора» [Шорохов 2004; Чудинова 2005; Фаллачи 2006].

О том, что это весьма возможно, говорят взрывы поездов в Испании, взрыв в лондонском метро. И в связи с этим следует напомнить о двойных стандартах США и европейских стран о судьбе Косово, когда советник президентов США Бьюкенен обвинял сербов во всех смертных грехах. А теперь и он, и другие задаются вопросом: не грозит ли Европе к середине XXI в. превратиться в «большое Косово»?

Историческая формула об отделении «церкви от государства» помогает понять, что секуляризм никогда не покушался на отделение религии от общества, а только церкви от государства. Наблюдая события в Северной Ирландии, Ливане, Иране, Афганистане, Ираке, изучая европейскую историю, нельзя не заметить прямой связи между катастрофическими политическими процессами и религиозными чувствами социума. Во-первых, пока не найдено научного определения соотношения между государством, обществом и религией в целом. Другой круг вопросов, требующих научного осмысления, связан с отношением государственной власти к религии и ее представителям. Наконец, требуют решения вопросы об отношении исполнительной власти, т. е. органов государственной власти, к религиозным учреждениям и организациям. Обозначенные комплексы проблем указывают на необходимость выработки теоретических, политических и правовых рамок взаимоотношений государства и религий. По-видимому, поиск следует начать с ответов на следующие вопросы: что государство ожидает от религий; каким образом законодательно установить место и роль религий в государстве; как обеспечивать религиозное образование.

Особо следует подчеркнуть, что теократические религиозные государства очень нестабильны, недолговременны и непродуктивны. Налицо ползучий процесс клерикализации и даже теократизации многих государств. Что касается России, то она также движется в этом направлении: постепенно возникает модель страны с господствующей (а некоторые настаивают – государственной) религией. При этом другие религии не подавляются, но не считаются государствообразующими, с чем многие из них, и в первую очередь сторонники ислама, не согласны. Все это неминуемо ведет к росту социальной напряженности, нестабильности общества и государства и даже возможным серьезным обострениям во взаимоотношениях между представителями различных конфессий.

Часть III. Бюрократия на службе клерикализма

Чиновничество любой страны никогда не было резко отделено от влияния религии. История свидетельствует, что в процессе взаимодействия с религией чиновники приспособлялись, тайно или открыто исповедовали церковные таинства.

Но приспособленчество бюрократами всех уровней в отношениях с религией в большинстве постсоветских государств превзошло самые изощренные фантазии. Оно породило уникальные формы, которых не знало ни одно светское государство [Современная религиозная жизнь России 2004; Мчедлов 2005; Андреева 2007].

Например, как нормальному человеку в светском государстве реагировать на такое сообщение: «В городе Лениногорске (Восточно-Казахстанская область) открылась мечеть, разместившаяся в здании бывшей гостиницы. Ей присвоено имя Динмухамеда Кунаева – бывшего первого секретаря ЦК компартии республики, члена Политбюро ЦК КПСС и личного друга Л. Брежнева» [Известия 1997]. И случаи, когда на вооружение государственной власти и деятельности чиновничества взят религиозный фактор как мощное средство укрепления личной и групповой власти (за неимением других средств вследствие непопулярной политики большинства правительств стран СНГ), нередки.

Большинство российских чиновников используют религию как средство достижения целей.

Характеристика деятельности чиновников-клерикалов

По сути, постсоветское чиновничество стало одним из мощных средств осуществления клерикализации своих стран. Причем в этот процесс вовлечены все уровни – от самых верхов до мелкого чиновника. Фактически процесс клерикализации страны начал первый Президент России Ельцин, непосредственно и открыто демонстрируя свою приверженность православию. За ним последовали и другие главы новых независимых государств. Такой деятель, как Э. Шеварднадзе, даже провозгласил в Грузии православие государственной религией, что не спасло его от свержения с поста президента страны. Шествуют рука об руку с религиозными иерархами правители Украины, Азербайджана, Таджикистана, Туркмении и других стран. А что делать в этой ситуации свите, среднему и низшему слою чиновничества? Ведь даже о нынешнем президенте страны говорят как о религиозном человеке, который имеет своего духовника (что, конечно, лучше, чем иметь личного оккультиста, чревовещателя, представителя магии). Многие чиновники копируют поведение верхов. Карьеристы пытаются внести свою собственную лепту в этот процесс взаимодействия с религией, выдумать нечто, что бы «развивало» предложения свыше. «У меня в кабинете икона Александра Невского», – заявляет губернатор Алтайского края А. Карлин. Что касается человека по имени Александр Карлин, то к нему вопросов нет: это его личное дело, кому он поклоняется. Но у меня возникает вопрос к высокому государственному чиновнику: почему в официальном помещении демонстрируется религиозность представителя государства, в котором церковь отделена от него? [Интервью с алтайским губернатором 2005].

В целом деятельность чиновничества и в России, и практически во всех постсоветских государствах осуществляется при отсутствии вразумительной, научно обоснованной политики по отношению к религии. Это привело к тому, что изначально было допущено много ошибок. Так, Ельцин под лозунгом свободы совести без всяких ограничений ликвидировал Комитет по делам религии при Совете Министров СССР, а затем и РСФСР, который худо-бедно, но осуществлял экспертную, координационную и контролируемую функцию. В этот период в Россию хлынул поток самых разных миссионеров, вербовщиков в «уникальные» религии и секты и просто авантюристов под флагом тех или иных конфессий. И официальные представители принимали всех без разбору, для того чтобы показать себя поборниками демократии. Отсутствие мало-мальски развитого стратегического мышления продемонстрировал вице-премьер Лобов, принявший руководителей изуверской секты «Аум Синрике»: высокий чиновник не просто принял, но и оказал содействие функционированию этой секты в России.

Эти ошибки повторяют лидеры и других стран СНГ. Так, Каримов, президент Узбекистана, попытался заигрывать с исламистами, в том числе и с Исламской партией Узбекистана и некоторыми зарубежными посланцами в виде эмиссаров партии «Хизб ут-Тахрир». Но очень скоро он понял, что с ними нужно вести иной разговор, что выразилось в подчеркнуто светской направленности проводимой им политики и жестких методах противостояния религиозным экстремистам.

Такую же слабость и непоследовательность религиозной политики продемонстрировал и бывший президент Киргизии Аскар Акаев. Как истинный демократ, он сначала утверждал, что опасность ваххабизма в его стране «сильно преувели-

чена». Пользуясь попустительством властей, террористы расположили свою штаб-квартиру в Бишкеке, а ученики Хаттаба в киргизской столице ждали сигнала для организации взрывов в Ташкенте. Именно на базарах Киргизии стали беспрепятственно появляться листовки следующего содержания: «Бешеная атака еврейского кафира Ислама Каримова и организаций его государства против призывающей к исламу партии “Хизб ут-Тахрир” не ослабевает. Мусульмане, не падайте духом!». Однако после вторжения узбекских исламистов на территорию республики Акаев подписал с Ташкентом соглашение о совместной борьбе с религиозным экстремизмом, ибо понял, что установление власти исламских экстремистов и фанатиков в центральноазиатских странах чревато губительными последствиями. Близорукость, отсутствие стратегического мышления – это тоже верный помощник для установления клерикальных и теократических режимов [Ротарь 2000].

Неразборчивость, некомпетентность при определении отношения к религиозным сектам приводят к неверным решениям. Так бывший второй секретарь горкома КПСС г. Набережные Челны, затем мэр этого города, даже побывавший заместителем министра финансов России, разрешил в 1995 г. в своем городе деятельность секте Хаббарда, основавшего Всемирную церковь сайентологии в 1952 г. Это Хаббарду принадлежат слова «хочешь стать богатым – придумай свою религию». Деятельность этой церкви в Канаде, США, Италии, Франции, Греции и ряде других стран запрещена «за использование приемов и методов воздействия на людей, приводящих к тяжелым психическим последствиям». Эта секта формирует у людей стремление править миром или (по крайней мере) доступным окружением [Версия 2004].

Современных российских чиновников и религиозных клерикалов роднит недоверие к науке и научным данным. Особенно они не любят социологическую информацию, которая обычно обращает внимание на нерешенные проблемы, на недостатки, на отвержение населением непродуманных и скороспелых решений. Кстати, как утверждает священник Андрей Лоргус, имеющий помимо духовного и светское, психологическое образование, это касается и психологии [См. например: НГ-религии 2005, 13 июля]. Нежелание советоваться с учеными приводит к тому, что чиновники вводят в заблуждение даже Президента России, позволяя говорить о некомпетентности или неопределенности позиций в религиозно-политических отношениях. Так, Путин назвал верующих на Кавказе шиитами, хотя там существует только суннитская ветвь ислама. (Всего около 3% мусульман, в основном лезгин и даргинцев, исповедуют шиитский ислам) [Известия 2000].

Методы клерикальной деятельности бюрократии

Особо следует сказать о методах, применяемых бюрократией при реализации синтеза политических и религиозных отношений. Очень распространенной практикой стало цитирование Священного Писания (будь то Библия, Коран или Тора) избирательно, что приводит к профанации и вульгаризации содержащейся в нем информации.

Первым признаком «нового» отношения представителей бюрократии к религии стало обязательное посещение церквей, мечетей, других культовых учреждений в дни церковных праздников. Вчерашние атеисты держали свечи, по выраже-

нию одного из журналистов, как стаканы с водкой (к иному они не были приучены), а руки – как футболисты в штрафной площадке. Согласно ритуалу, причащались. Не отставали от этих привычек советские и партийные деятели бывших советских республик. Так, бывший первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Г. Алиев совершил хадж в Мекку. Возникает вопрос: стали ли представители государства в самом деле верующими или церковь и мечеть им нужны для укрепления своей власти?

Затем последовало более «глубокое» приобщение к религии. Стало модным и обязательным освящать любое мероприятие, благословлять любое событие, выслушивать напутствие священнослужителей по поводу любого действия. Никакой истинной религиозности в этой показухе нет: есть убеждение, что такие действия – необходимое средство для «полноценного» участия в политических, государственных делах. Доходит порой до анекдотических случаев. Государственная Дума, по мнению депутатов от «Родины» Чуева и Крутова, стала местилищем грубых и откровенных соблазнов. Причину этого они увидели в том, что бывшее здание Госплана СССР при передаче его Нижней палате не было освящено (хотя в нем на самом деле проводили эту процедуру). По мнению упомянутых депутатов именно поэтому «за прошедшие десять лет Госдуме не раз преследовали неудачи, деятельность ее не раз омрачалась противостоянием и конфликтами... Возникали даже силовые конфликты между депутатами» [Соколов 2004]. Оказывается, для драчливой Думы не хватало пустяка – освящения здания?!

Еще более высокой степенью «слияния» чиновников с религией стало строительство всевозможных культовых зданий, в том числе и с привлечением государственных средств. Только в Татарстане за 1990-е годы было воздвигнуто несколько сотен мечетей. В Саратовской области бывший губернатор Дмитрий Аяцков финансировал епархию за счет налогоплательщиков, принялся за государственный счет восстанавливать храмы и «возродить профессию священника» [См.: Версия 2002].

Но когда культовые здания воздвигаются по частной инициативе – одно дело. Другое дело – когда в этом процессе участвуют многочисленные зарубежные фонды. И третье дело, когда в этом стало принимать участие государство, когда деньги налогоплательщиков шли на «богоугодные дела». В одном из своих интервью муфтий Татарии отметил, что «религия отделена от государства, но не от чиновничества. Они тоже верующие, будь то татары или русские. Если бы республика, главы местных администраций, руководители предприятий не участвовали, не помогали бы посильно в строительстве мечетей, не было бы тысячи приходов. Добровольных пожертвований не хватит на оплаты различных услуг, воды, газа» [Фатуллаев 2005].

В этом случае возникает масса вопросов и прежде всего – а по-прежнему ли отделена церковь от государства? Именно такое использование народных денег порождает межконфессиональные конфликты. Взаимоотношения светской и духовной власти приобретают теократический аспект. Даже когда строительство, восстановление или реконструкция культовых зданий идут за счет частных вложений, государство должно иметь решающее слово, чтобы не получалось, как в некоторых селах Башкирии и Татарстана, где воздвигались две и даже три мечети, ибо таково было пожелание богатых выходцев из этого села.

Еще одним показателем клерикализации деятельности бюрократии стала распространенная практика дарения, передачи в собственность государственных материальных ценностей и/или финансовых средств. Это особенно распространено на региональном уровне, где государственно-религиозные отношения воплощаются в личной дружбе главы региона со священнослужителем высокого сана, как это происходит, например, в Белгородской области. В этой ситуации уместно напомнить одно из требований иранской Конституции (заметьте, теократической), в которой, единственной в мире, записано, что «собственность лидера страны, президента, министров, а также их жен и детей проверяется главой судебной власти до и после окончания службы указанных лиц на предмет предотвращения ее незаконного приращения» [Цит. по: Дружиловский 2004]. А если к этому добавить и закон, ранее принятый Государственной Думой (в настоящее время частично измененный в связи с борьбой с терроризмом), по которому запрещена конфискация имущества при любых правонарушениях, то возникает вопрос, а есть ли на чиновниках крест, за который они так ратуют?

Клерикализация российского чиновничества продолжает свое победное шествие. Вот уже и функциональные чиновники – от культуры, от образования, от здравоохранения – выходят с «инициативами»: построить часовню или церковь на территории больницы, учебного заведения, мемориального комплекса, ввести обязательное изучение основ православной культуры. К настоящему времени этот процесс охватил святую святых любого государства: армию, органы внутренних дел и даже ФСБ. Присягу, начало учений, профессиональный праздник силовых структур уже трудно представить без участия священнослужителей, что опять рождает опасные семена вражды среди различных конфессий.

При анализе этого явления очень интересно сопоставить реальность с тем, что официально рекомендуется и что пропагандирует чиновник. «Сегодня в политической и государственной элите, – утверждает А. Логинов, представитель правительства в Государственной Думе, – было бы мветоном пытаться использовать религию в политических целях. А для карьеры политиков, которые хотели вовлечь религиозные общины в политические баталии, подобные попытки всегда имели катастрофические последствия» [Логинов 2005].

Анализ методов деятельности чиновников в области государственно-религиозных отношений позволяет утверждать, что происходящее очень напоминает византийскую политику, когда под внешним благолепием, показом своей «преданности» друг другу церковь и государство в лице своих чиновников преследуют не народные интересы, а своекорыстные намерения и такие же цели. При этом происходят казусные случаи вроде обращения патриарха к Путину и Фрадкову в день Пасхи со словами «Ваше Превосходительство», что соответствует титулам чинов 3-го и 4-го классов в императорской России: по военному табелю – генерал-лейтенанту или генерал-майору, по придворному и гражданскому табелю – тайному советнику, обер-церемониймейстеру или действительному статскому советнику, камергеру. И день Воскресения Господня мало соответствует тому, чтобы именно в этот день Президента страны поздравлять с политическими успехами [Соколов 2004]. Не остается в долгу и светская власть. Иерархи церкви снизу доверху принимают официальные поздравления от властей со всеми религиозными праздниками, с днями рождения и вкуче с гражданскими «красны-

ми» датами. Постоянная демонстрация византийской «симфонии священства и царства» слабо коррелирует не только с правилами взаимоотношений современных государств и современных религий, но и с реалиями самой России. Кстати, византийство проявляется в массе «мелочей». Почему, например, сильные мира сего находятся в храме во время службы отдельно от других верующих? [Беляев 2004].

Эту ситуацию религиозной неразборчивости в среде чиновничества породил первый Президент России и его окружение. На заключительном этапе своей деятельности, 31 декабря 1999 г., Ельцин попросил Патриарха Алексия II приехать и присутствовать при передаче властных полномочий Путину. Более того, патриарха попросили «благословить Владимира Владимировича на его новое трудное служение». С точки зрения и буквы, и духа закона действующей Конституции значение этого действия совершенно абсурдно: в момент величайшей государственной важности глава России и его преемник призывают руководителя одной из общественных организаций и просят его одобрить эти действия. Но это юридически невозможное действие имело свое оправдание: власти не хватало легитимности. Ведь согласно опросам общественного мнения одно из первых мест по доверию принадлежало церкви при огромном недоверии ко всем властным структурам, в том числе и Президенту, действия которого одобряли всего несколько процентов россиян. Понятно, почему в этой ситуации власть решила опереться на церковь.

Очень серьезным признаком клерикализации, забвением светского характера государства являются предложения построить национальную идею только на религии или с обязательным учетом религии. Иначе как расценивать речь министра иностранных дел на VIII Всемирном русском народном соборе о «православной цивилизации», которая по строю мысли и обоснованию не уступает аргументам патриарха и некоторых заядлых политических клерикалов вроде К. Затулина. Стимулом для такого заявления государственного чиновника высокого ранга стала, на наш взгляд, «Концепция национальной безопасности», принятая в начале правления Путина, которая увязывала террористические угрозы с некоторыми угрозами этнического и религиозного характера. Неудивительно, что сразу же появился целый ряд политологических и юридических обоснований, анализирующих вопросы безопасности в религиозной сфере как фактор, который несет в себе огромный позитивный заряд в решении актуальных задач развития России [Природа этно-религиозного экстремизма 2008]. А может, этот тезис следует рассматривать по-другому – как угрозу национальной безопасности России?

Тенденции сближения бюрократии и церкви налицо. Но стоит надеяться, как это высказал А. Верховский, что «инерция сближения не заведет слишком далеко». Это, по его мнению, «зависит не от отношений власти и Церкви, а от развития отношений внутри самой власти» [Верховский 2004, с. 154]. Решающая роль в том, насколько возможно тихое превращение светского государства в некое теократическое образование, полностью зависит от возглавляющих его людей.

Последствия сращивания бюрократии и религии

Чиновники, заигрывающие с религией, олицетворяют теократические тенденции в жизни российского общества, ибо ведут к ее клерикализации, и одновременно

к большим конфликтам, к обострению не только межконфессиональных, но и социально-политических отношений.

История неоднократно показывала: чем сильнее наступает клерикализм, чем более рьяно осуществляет поддержку религиозному нажиму государственная бюрократия, тем сильнее расцветает атеизм. Инквизиция породила огромную армию противостоящих ей. Она не смогла задержать появление протестантизма, других форм независимости от католицизма. Попытка усилить клерикализм во Франции в XVIII в. привела к появлению таких мощных фигур атеистического мышления, как Вольтер, французские просветители. Попытки религий контролировать и подчинить жизнь человека, сделать ее стандартной приводили к великим расколам в жизни религий, которые потом лихорадили общества и мир. Это убедительно продемонстрировал раскол христианства на католицизм и православие. Затем из католицизма выделился протестантизм, а из православия – старообрядчество. Нечто похожее произошло с исламом, расколовшимся на суннитов и шиитов. Затем среди суннитов появился ваххабизм, не говоря о многочисленных сектах.

Особенно губительна деятельность бюрократии при одновременном решении этнических и конфессиональных проблем [Мчедлов 2004, с. 72–73]. Незнание специфики тех и других, а также возможной их комбинации может породить гремучую смесь, которая способна взорвать социальный мир в многонациональных и поликонфессиональных регионах. Именно беспредельная близорукость чиновников сначала в Чечне, затем в ряде других национальных республик Северного Кавказа привела к крупнейшим просчетам в религиозной и национальной политике, превратив религию в мощное средство сопротивления и противостояния федеральному центру. Вкупе с замшелыми методами деятельности Духовных управлений мусульман в этих республиках бюрократия волей-неволей формирует очаги сопротивления: сначала в результате беспредела в допуске различных мусульманских миссионеров из-за рубежа, а затем неумелым противостоянием им в ситуации, когда экстремистскими, в том числе и ваххабитскими, идеями поражено значительное количество населения, особенно молодежи. Это наглядно стало проявляться даже в таких регионах, как Адыгея, где никогда не был силен ислам. Но неразумная политика в области национальных и конфессиональных отношений привела к формированию сил сопротивления, к появлению в этой республике в 2005 г. общественного движения «Черкесский конгресс», который сразу же получил поддержку религиозных и националистических центров за рубежом, выступив с предложением признать геноцид адыгов в период Кавказской войны. Затем деятели этого конгресса перешли и к более глобальным геополитическим проектам – к созданию Черкесской Республики в составе нынешних Адыгеи, Кабарды, Черкессии и Шапсуги. И что самое опасное в этом – во многом идет опора на религиозные исламистские силы [Нефляшева 2006].

От поведения бюрократии зависит межконфессиональный мир. И то, что православная иерархия выдвигается на первый план во взаимоотношениях с государственной властью, не осталось незамеченным для представителей других конфессий и породненного с ними чиновничества. Так, принимая епископа Феоноста, секретарь Совбеза Рушайло заявил, что «необходимы совместные усилия государства и религиозных объединений в деле сохранения национального достоинства России и нейтрализации угроз безопасности российского государства в духовной

сфере» [Цит. по: Кошкин 2003]. Примечательно, что говоря о религиозных организациях, чиновник беседовал с представителем только одной конфессии – РПЦ.

Ситуация выпячивания чиновниками православия в ущерб другим религиям существенно осложняет возможность достижения социального согласия. Поэтому вполне справедливо звучит высказывание президента Татарстана М. Шаймиева: «В федеральном законе о религии особо выделяется православие, что вызывает вопросы у мусульман, которые Россию считают своей Родиной. На официальных мероприятиях всегда присутствуют патриарх или другие иерархи православной церкви и гораздо реже – мусульманские лидеры... Люди все это замечают. Никому не повредит соблюдение баланса в этих очень тонких вопросах. От этого не проиграют ни православие, ни светская власть, а общество в целом только выиграет» [Цит. по: Известия 2001, 17 октября].

В этой связи попытки чиновничества «доказать, что конституционный принцип равенства всех религиозных объединений перед законом не исключает приоритетного сотрудничества государства с традиционными религиями (вернее, с православием) – “медвежья услуга” и сомнительная привилегия для РПЦ, чреватая в конечном итоге нарастанием светского и религиозного антиклерикализма, а также утратой РПЦ своего авторитета» [Овсиенко 2002, с. 28].

Следует заметить, что недалёковидностью страдают не только российские чиновники, но и сильные мира сего в других странах. Так, премьер-министр Великобритании Блэр неоднократно говорил, что не надо преувеличивать опасность исламского экстремизма. Более того, британское правительство долгое время мирилось с ненавистническими высказываниями местных мусульманских лидеров, призывающих к джихаду, оно предоставило убежище чеченским экстремистам, оправдывало действия мусульман в период гражданской и конфессиональной войны в Югославии. Еще в январе 2005 г. Блэр утверждал, что «нет такого понятия, как исламский террорист. Оно глубоко оскорбительно» [Степанов 2005]. Но в июле 2005 г., после ужасных терактов в лондонском метро, ему пришлось признать, что опасность, несмотря на демонстрацию веротерпимости и лояльности даже к безусловно ненавистническим высказываниям, настигла и Великобританию. И тогда прозвучали другие слова – о необходимости бороться с религиозным терроризмом, о возможном ограничении свобод экстремистов и преследовании за призывы к религиозной нетерпимости.

Часть IV. Религиозные деятели на пути к теократии

Духовенство, независимо от религиозной ориентации, во все времена на всех этапах развития человеческого общества и у всех без исключения народов представляло весьма специфическую социальную группу.

История его возникновения и становления роли и места в политической и общественной жизни в каждом конкретном случае богата самыми различными проявлениями. Современная религиозная жизнь в мире представлена тремя мировыми религиями – буддизмом, христианством, исламом. Наряду с ними существуют крупные национальные конфессии, такие как иудаизм, индуизм, конфуцианство, даосизм, а также течения в христианстве – католики, протестанты, православные, две основные ветви в исламе – сунниты и шииты. Кроме того, имеется огромное

количество самых различных сект, верований, комбинаций различных религий и конфессиональных течений.

Что представляет собой духовенство в современном мире и России?

Духовенство во всех религиозных течениях в основном рассматривается с трех главных позиций: как посредники между богом и человеком; как помощники, координаторы в этом общении; и как отрицающие всяких посредников и помощников, полагая, что человек должен и может непосредственно общаться с Богом.

В результате духовенство (даже если исключить третью позицию) насчитывает в своих рядах довольно большое количество причастных к прямому или косвенному посредничеству в вере. По статистическим данным, в мире насчитывается более 2 млрд христиан (из них 560 млн живут в Европе, 480 млн – в Латинской Америке, 360 млн – в Африке и 260 млн – в Северной Америке), свыше 1 млрд мусульман и около 1 млрд буддистов [Уткин 2004]. Наряду с этими крупными (мировыми) религиями существуют национальные религии и масса самых различных вероучений. Понятно, что всех верующих, независимо от их принадлежности к той или иной конфессии, необходимо «окормлять» – наставлять, руководить, ориентировать и помогать прямо или косвенно в общении с Богом или другими сверхъестественными (божественными) силами. И конечно, противостоять всяческим искушениям и всем возможным искушениям, тем более что в современном мире происходят серьезные процессы, которые ставят под сомнение позиции религии, а следовательно, и само существование клана священников. Конечно, служители культа пытаются взять реванш. В 1960-е годы Ватикан решился на реформаторскую «оттепель»: замена латыни живыми языками, создание христианско-демократических партий, реабилитация Галилея, осуждение антисемитизма и экуменический диалог с другими конфессиями. Был осуществлен и ряд других послаблений в религиозной догматике.

Применяют новые методы работы, и весьма успешно, не только католики, но и протестанты. В исламе также происходят неоднозначные процессы, хотя он более стойко переносит нововведения, более жестко отстаивает свои позиции.

Что касается России, то число профессиональных религиозных деятелей растет соответственно увеличению числа различных религиозных организаций. Сравним данные 2000 г. и 2005 г.: когда религиозные организации проходили перерегистрацию по закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997 г.) и укрепляли свои позиции. За этот период количество организаций РПЦ выросло с 10 912 до 11 837; у Русской Православной Церкви за границей – с 40 до 43, у старообрядцев – с 278 до 282. У католиков наблюдалось некоторое снижение – с 258 до 251. Более активно идет рост протестантских организаций: у пятидесятников – с 1323 до 1482, у методистов – с 85 до 114, у адвентистов седьмого дня – с 563 до 650 и особенно у свидетелей Иеговы – с 330 до 406. Среди лютеран при относительно стабильном общем росте увеличивается число организаций Церкви Ингрии – с 42 до 70. Практически без изменений осталось число евангельских христиан-баптистов – 975 и 980.

В то же время идет бурный рост исламских организаций – с 3048 до 3634 – и иудаистских – с 197 до 275, особенно сторонников так называемого современного

(реформистского, «прогрессивного») иудаизма. Что касается буддизма, то число его организаций осталось прежним (193 и 192 организации). И наконец, следует отметить такой факт: количество неденоминированных христианских церквей уменьшилось, но резко возросло число иных вероисповеданий [Социальное положение и уровень жизни 2005, с. 411–412; *Верховский* 2004, с. 144].

Анализ этих данных позволяет сделать вывод, что налицо доминирование РПЦ (а следовательно, и ее религиозных деятелей). Но оно уже ставится под вопрос, если считать организации: только около 52% от общего числа находятся под ее юрисдикцией. А растут опережающими темпами такие конкуренты, как мусульмане и протестанты, а также всевозможные новообразования. РПЦ и ее иерархи пытаются противостоять этому процессу, в частности, однозначно поддерживать согласно российской традиции существующую политическую власть. Это особенно проявилось в ситуации, когда Путин начал выстраивать вертикаль власти. В этих условиях авторитарные тенденции многим не понравились, а часть политических и общественных деятелей выступила с их осуждением. Однако Патриарх Алексей II, а затем Патриарх Кирилл заняли однозначную позицию, заявив, что «изменения политического устройства направлены на то, чтобы создать такие светские институты власти, которые бы способствовали тому, чтобы в России появилась форма государственного строя, приемлемого для страны» [Цит. по: Комсомольская правда 2005, Полит.ру 2009].

Но главные проблемы для религиозных деятелей, служителей культа зреют внутри религий. По данным социологов, в 2005 г. только 5% французов являются на воскресные мессы. Даже в Ирландии и Испании церкви стремительно пустеют. В последней только 12% регулярно посещают церковь (пять лет назад таких было около четверти) [См.: Известия 2005, 27 января]. В США авторитет священников обрушился, когда всплыли случаи педофилии. Эта ситуация дополняется тем, что снизу идут предложения разрешить приходским священникам жениться, допустить к рукоположению женщин и осложняется неразборчивостью в идейно-политической ориентации. В Хорватии пытались причислить к лику святых фашистского коллаборациониста. В Руанде церковь не предотвратила геноцид. В Латинской Америке католицизм приобрел левые черты в осуждении существующих диктатур и социального неравенства [*Рашковский* 2009].

Не менее показательны и процессы секуляризации в России. Хотя число признающих себя православными выросло, по данным социологических исследований, количество истинно воцерковленных, которые еженедельно принимают участие в мероприятиях своего прихода, не превышает 5–7%, как это было и в советское время. После взлета моды на религии в 1990-е годы пошел отток, и сейчас увечилось число тех, кто относит себя к неверующим (не путать с атеистами) или индифферентно относящихся к религии. По данным социологов Пиццерского университета (Калифорния, США), Россия занимает 12-е место среди наиболее атеистических государств (после скандинавских стран, Чехии, Франции, Вьетнама, Японии и Южной Кореи) с 48% неверующих граждан [НГ-религии 2005, № 1].

Даже в католической Европе процессы секуляризации зашли далеко. И в этих условиях к каждому акту, означающему игнорирование религии, церковные иерархи относятся весьма ревниво. Понтифик, папа Иоанн Павел II, высказал в свое время беспокойство в связи с тем, что в Европейской конституции, принятой

в Риме и проходящей процесс ратификации, нет упоминания о «христианских корнях европейской цивилизации». Эту озабоченность разделил и Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, заявивший, что «Европа не должна забывать того христианского вклада, который был сделан в ее культурное становление» [Цит. по: НГ-религии 2005].

Соппротивление секуляризации проявляется в повседневной и личной жизни человека. Так, в ряде стран мира развернулась пропаганда безопасного секса. Но католическая церковь запрещает контрацептивы как «противоречащие божественному дару жизни». В школах Испании католицизм не изучается в качестве обязательного предмета. В этой стране официально признаны однополые браки. Эти и другие меры позволили папе Иоанну Павлу II фактически обвинить официальный Мадрид в «ограничении религиозной свободы». «В Испании, – говорил папа на встрече с испанскими епископами, – распространяется идеология светского государства, цель которой – сознательное ограничение религиозной свободы. Эта политика может привести к незнанию религии и вызвать пренебрежение ко всему, что с ней связано». Иными словами, церковь пытается диктовать определенные требования к политическим структурам, к правительствам. Вполне понятна реакция правительства Испании. «Нельзя постоянно критиковать правительство за то, что оно распространяет идеологию светского государства, – заявил министр обороны Хосе Боно. – Испанский кабинет не является проповедником христианской религии. Вера не может насаждаться указами властей» [Шестернина 2005].

В своем стремлении завоевать или удержать паству священники идут на самые различные уступки, пытаются уловить новые модные веяния, особенно среди молодежи. В культовых зданиях служители культа устраивают молодежные мероприятия, позволяют играть на электрогитаре. В Африке разрешили проповеди на местных языках, в литургию вводят тамтамы и шкуры леопардов. Аятолла Хомейни благословил использование презервативов, чему до сих пор противятся римские папы – как покойный Иоанн Павел II, так и кардинал Ратцингер, ставший папой Бенедиктом XVI [Дерлугьян 2005].

Говоря о теократии, следует напомнить, что православные приходы живут по принципу: все решает настоятель, слово которого (благословение) – закон. По принципу строгой иерархии строятся и отношения между структурными подразделениями, между самими священнослужителями, между монахами в монастырях, между учащимися и преподавателями в духовных учебных заведениях. По большому счету, это своеобразный абсолютистский монархический принцип, согласно которому вышестоящий всегда знает истину, слово Божье лучше, чем нижестоящий. Иерархическое строение православной церкви (впрочем, как и католической, и ряда других конфессий) находится в вопиющем несоответствии с требованиями времени, с происходящей демократизацией общества. Успехи протестантизма, ряда течений ислама и некоторых других религий объясняются тем, что, несмотря на некоторые теократические тенденции, они все же менее авторитарны – по крайней мере, признается, что посредник между верующим и Богом – такой же мирянин, как и все: он только выполняет некую вспомогательную, обслуживающую функцию.

Методы влияния на государство и общество

Наиболее древней и долго господствующей формой влияния церкви на государство и общество была ситуация, когда верховный жрец, священнослужитель становился и светским правителем. Правда, это влияние проявлялось в двух вариантах: во-первых, когда духовное лицо становилось и верховным светским лицом, воплощая в себе классическую форму теократии; во-вторых, когда светское лицо (фараон, король, император) провозглашалось посланцем Бога (освященным Богом, покровителем духовной власти). В современных условиях первая позиция воплощена в руководстве Ираном духовными лицами, во втором случае – королевской семьей в Саудовской Аравии. По мнению главы Совета муфтиев России шейха Равиля Гайнутдина, радикальные исламисты настаивают на том, что единственно правильной моделью государства, идеально соответствующей канонам ислама, является халифат. Но по мнению сторонников умеренного ислама, к которым он относит и себя, политическая система, необходимая для развития современного общества, должна включать в себя «разделение власти», «распределение богатства в обществе», «открытое общественное мнение». Именно в этом он видит реализацию «гуманистического потенциала ислама», а не слепое копирование западных образцов построения современного государства и общества [Смирнов 2006а].

Еще один метод влияния связан с тем, что религиозные деятели выступают представителями государственной религии и в определенном смысле являются духовными чиновниками с присущими всей бюрократии чертами поведения и реакцией на политические процессы в обществе. В этом случае без их слова, мнения, поддержки не может быть решен ни один политический и социальный вопрос. Это особенно наглядно видно на примере Греции, где православные иерархи всех уровней оказывают мощное воздействие на ход всех без исключения значимых общественных проблем. Напомним, что крах царизма и правления «наместника Христа», продиктованные объективными тенденциями общественного развития, не могли не привести к закономерному результату – отторжению многовековой государственной религии [Андреева 2001, с. 238].

Несколько по-иному ведут себя религиозные деятели, когда религия, не будучи официально государственной, выполняет обязанности господствующей, первенствующей, определяющей всю ситуацию в стране. При выполнении этой роли религиозным деятелям приходится тесно сотрудничать с политической властью, претендовать на первенство и доказывать его перед другими конфессиями, в то же время стараясь (или не очень стараясь) учитывать их интересы.

И такая позиция приносит свои дивиденды. «Нынче православие в фаворе, – пишет один из читателей «Известий». – При дружбе с православными иерархами можно и деньги от государства дополнительные получить, в том числе и на научные исследования (и тратить их действительно на науку). Я от одного деятеля услышал откровенное: “Раньше мы действовали через ЦК, а теперь через попов”... Видимо, пришла пора для нашей бедной науки получать деньги на исследования под флагом православия» [Известия 2004, 22 июня].

Против этой позиции выступают и некоторые здравомыслящие священнослужители. «Является ли наше государство православным? – задается вопросом выпускник Московской православной духовной академии и семинарии, преподава-

тель религии В. Белов. – Нет, оно светское... Что представляет собой Россия? Это многонациональная и мультиконфессиональная страна. Все религии должны быть равны перед законом, который в свою очередь должен давать им равные права. Обязательное преподавание одной ущемляет права других. И никакой “государствообразующей религии” нет и быть не может! Ее никогда не существовало, если решительно отбросить все мифы о Святой Руси, Третьем Риме, Царе-Освободителе и народе-богоносце. Если бы русские князья и цари всегда и во всем слушались православной церкви, России, я уверен, давно бы уже не существовало как независимого государства, а русских как нации».

Такая официальная политика иерархов православной церкви, по утверждению Л.В. Митрофановой, самой логикой развития приведет к тому, что интеграционные процессы как в самой России, так и на пространстве СНГ превратятся в свою противоположность и завершатся геополитическим развалом евразийского пространства [Цит. по: Известия 2002; См. также: Митрофанова 2004].

Еще один метод влияния религиозных деятелей – это создание сателлитов, сторонников в виде политических партий, общественных движений, которые прямо или косвенно выполняют функцию защиты и представительства конфессиональных интересов. Поэтому во многих странах можно видеть партии и организации, в названиях которых отражены конфессиональные интересы, а также организации, которые преследуют наряду с политическими целями и религиозные. Наиболее популярным в странах Западной Европы является часто встречаемое сочетание «христианско-демократический», в странах Востока – «мусульманский».

Религиозные деятели претендуют на роль идеологов, утверждая, что религиозное мировоззрение – единственно верное и правильное. Так, православные деятели, посягая на право быть выразителями российского общественного сознания, долгое время слабо или плохо учитывали потребности времени. Они, как показывает анализ реальной жизни, руководствуются призывами св. Иосифа Волоцкого – в каждом деле «коснеть и медлить», ибо только тот, кто «коснит и медлит, всегда бывает любим царем» [Послания Иосифа Волоцкого 1959, с. 259].

Именно православием обществу всячески навязывалась мысль, что это «коснение» является тем естественным состоянием, которое органически присуще России, и всякого рода изменения чужды России по причине ее «особенностей». Это «коснение» привело к тому, что вместе с царизмом заодно и почти полностью была снесена вся церковная структура, и к глубокому отставанию церковной идеологии от потребностей времени, что выразилось в потере паствы и в пассивности оставшихся. В начале XXI в. Православная Церковь пытается наверстать упущенное, предпринимая акции как внутреннего свойства, так и международного характера. Но интерес к политическим проблемам все возрастает. В свое время митрополит Кирилл говорит о политической культуре, о том, что церковь не против модернизации, а за нее, но с учетом «базисных ценностей нашего государства и общества».

Одним из эффективных средств воздействия на общество являются правовые методы и в особенности семейное право, использование которого вышло в последней четверти XX в. на передний край политической борьбы на мусульманском Востоке. С притязаниями на «исламское» решение этой проблематики выступают поборники исламского государства и сторонники возврата к фундаментальным ценностям ислама. Именно семейное право, подчеркивал известный правовед

Абдуллахи ан-Наим, является для исламистских группировок своеобразной стартовой площадкой, обосновавшись на которой, они начинают действовать во имя установления «тотального контроля над государством и его институтами [Цит. по: Барковская 2006, с. 120].

Современные религии используют методы подавления всех инакомыслящих. В современных условиях для укрепления своего влияния на дела общества и государства иерархи церкви на самом высоком уровне проявляют нетерпимость, непримиримость, не склонны прощать обиды и «оскорбления» в свой адрес. Они организуют давление и преследование религиозного инакомыслия. Это характерно для всех без исключения конфессий. В Польше, например, судили и оштрафовали известного журналиста Ежи Урбана за то, что он назвал папу Иоанна Павла II «ватиканским Брежневым». Клерикалы фактически требовали учредить «католическую цензуру» [Шестаков 2005].

Нечто подобное произошло и с известнейшим швейцарским католическим богословом Гансом Кюнгом, лишенным в 1979 г. Конгрегацией вероучения права преподавать теологию от имени Католической церкви – в основном за то, что он был и остается ярким представителем экуменизма, поборником единства христианства, а в последние годы и сторонником согласия между всеми религиями, что, по его мнению, естественно ведет к братству народов [Смирнов 2006б].

Значительна роль и такого метода, как приспособленчество к ситуации, стремление найти новые способы привлечь не столько людей, сколько сильных мира сего в политическом и экономическом отношениях на свою сторону, заставить их хотя бы в некоторой мере служить интересам церкви. Так, протестанты в США начали использовать в качестве формы общения с властью и бизнесом так называемые молитвенные завтраки, которые, по утверждению их организаторов, проходят уже в 60 странах мира, в том числе и в России, начиная с конца 1990-х годов. Цель таких «завтраков», как пояснил председатель попечителей фонда «Национальная утренняя молитва» В.К. Власенко, состоит в том, что «религиозные, государственные лидеры, представители бизнес-элиты объединяются в духовном ходатайстве пред Богом за мир, благополучие и благословение своему земному отечеству». Не обходится и без привлечения на эти мероприятия знаковых фигур. Так, на «завтраках» в России присутствовали официальный глава правозащитной работы В. Лукин, председатель Хельсинской группы Л. Алексеева, писатель Э.Ю. Радзинский, различные поп-звезды и вещатели теле- и радионовостей. И хотя официальная цель этих «завтраков» – «вознести именно коллективную молитву, рассказать о духовных ценностях, объединить разобщенных людей», реальность более проста и прозаична: найти политические и финансовые возможности для своего существования, для решения личных и групповых амбиций на основе приспособления к потребностям сегодняшней экономической, политической и социальной ситуации [Цит. по: Аленин 2006].

В целом необходимо исходить из того, что «важнейшая политическая услуга, которую Церковь может оказать обществу, – это последовательное и твердое свидетельство о реалиях, превосходящих политику. Если Церкви не пристало поддерживать конкретные политические программы, то верующие члены Церкви как граждане не могут осуществлять свои идеалы иначе, как используя нормальный политический процесс. Но они всегда должны не упускать из виду,

что собственно христианским может быть лишь желание блага, движущее ими. Сами же программы – плод человеческого разума. И нелепо приписывать им значение Божественной истины» [Хилл, Филатов 1992]. В начале 2000-х годов число верующих сократилось по сравнению с 1990-ми годами – это результат того, что «православная церковь часто выступала как очень государственный и даже политизированный институт», забывая о таких насущных нуждах людей, как бедность, безработица, призрение за слабыми мира сего, поддержка здоровья и забота о крыше над головой [Тимофеева 2004]. Соответственно изменилось (и серьезно) мнение людей о том, должна ли церковь участвовать в управлении государством (см. табл. 2).

Таблица 2. Должна ли церковь оказывает влияние на принятие государственных решений, N = 1600 (в % к числу опрошенных)

	Сентябрь 2005 г.	Сентябрь 2007 г.
Определенно да	16	7
Скорее да	26	22
Скорее нет	27	33
Определенно нет	24	28
Затрудняюсь ответить	8	10

Источник: Общественное мнение-2005. Левада-Центр. С. 129 (<http://www.levada.ru/om2005.html>); Общественное мнение-2007. Левада-Центр. С. 194 (<http://www.levada.ru/om2005.html>).

Большинство населения считает, что такая функция, как участие в решении государственных проблем, не должна входить в компетенцию церкви.

Специфика российских религиозных деятелей

Расцвет религии, рост ее значимости в общественной и политической жизни приводят не только к обострению отношений между религией и обществом, но и между религиями в лице их иерархов.

Особо хочется сказать о том, что «до сих пор примеров, когда две разные религии способствовали объединению двух народов, у которых они являются главенствующими, не было (наоборот – сколько угодно)» [Работнов 2005].

Старая истина: разобщают не религии, а олицетворяющие их священнослужители, церкви, религиозные деятели. Так, ряд радикально мыслящих мусульманских служителей культа неоднократно предпринимали усилия создать политические партии на базе ислама. Сначала это была Исламская партия возрождения, съезд которой состоялся еще в СССР в Астрахани в июне 1990 г. Затем были созданы исламские политические партии «Нур» и «Союз мусульман России». В апреле 1996 г. появилась еще одна политическая партия – «Мусульмане России» во главе с амбициозным имамом Духовного управления мусульман Поволжья Мукаддасом Бибарсовым, что окончательно разделило мусульман по отдельным регионам (Северный Кавказ, Центральная часть России, Поволжье, не говоря об особой позиции мусульманских лидеров Татарстана, Башкирии и Сибири). Проректор Улья-

новского исламского университета Ильдус Шингареев пришел к тому, что все эти политические объединения потерпели крах даже в глазах своих потенциальных избирателей-мусульман и постепенно сошли с политической арены, а после запрета на их функционирование постарались приобрести иное лицо, иной облик, но не отказываясь от первоначальных замыслов [Ротарь 1996].

Но с другой стороны, еще больше примеров свидетельствует о нежелании церкви обострять отношения с политической властью. Сейчас Россия переживает трудные времена. Только в 2005 г. прошла так называемая монетизация льгот. Последствия этой акции стали показателем того, как, по мнению известного кинорежиссера и депутата Госдумы Станислава Говорухина, у нас хотели совершить демократическую революцию, а получили криминальную. «В такие дни Церковь должна быть рядом с народом, она должна защищать его, поддерживать его социальный протест... На нас двинулась криминальная армия, армия чиновников, взяточников, воров всех мастей – это страшней, чем гитлеровские полчища, но Православная Церковь, к сожалению, остается в стороне от этой борьбы... Церковь, – считает он, – видя, что творится в стране, должна занять более активную, даже жесткую позицию по вопросам, связанным с жизнью общества. Я не понимаю, почему в октябре 1993 г. Патриарх не вышел с иконой перед Белым домом и не остановил кровопролитие. Эта история еще долго будет нам аукаться. Если можно расстрелять парламент, то тогда все дозволено» [Говорухин 2005].

Служители культа, даже на высоком уровне, не избавлены от конъюнктуры. Пикантная ситуация сложилась с праздником 7 ноября: иерархи церкви поддержали политическое решение Государственной Думы о его отмене, хоть с ним связаны судьбы и мироощущение огромного количества людей. Вместо этого была предложена маловразумительная дата 4 ноября, как день освобождения Москвы от польско-литовских захватчиков, о чем политкорректно предпочитают умалчивать. Во-первых, зачем реанимировать давние конфликты с Польшей, тем более что в настоящий период их и так хватает? Во-вторых, такая дата – историческая фальшь, ибо 4 ноября только началось освобождение Москвы. Кремль был освобожден лишь 10 ноября. В-третьих, война с поляками закончилась не в 1612, а в 1618 г. (это было бы аналогично празднованию победы над фашистской Германией не 9 мая, а в день освобождения Сталинграда – 2 февраля, как поворотного пункта в Великой Отечественной войне или 7 декабря, в день начала разгрома фашистских войск под Москвой). В-четвертых, эта война закончилась позорным Деулинским перемирием, означавшим тяжелейшую капитуляцию, по которой поляки взяли все, что захотели. Граница стала проходить почти по границе современной Московской области. А шведы отобрали все Балтийское побережье. На счастье России в этот год началась тридцатилетняя война, поляки со шведами стали разбираться между собой, а то неизвестно, что бы еще потеряла Россия [Рябцев 2004]. Это весьма сомнительное сначала предложение, а потом решение поддержал Патриарх Алексий II, назвав 4 ноября более патриотической датой.

Самые радикальные религиозные деятели не удовлетворяются тем, что один из религиозных праздников – Рождество Христово – провозглашен государственным праздником (вопреки огромному неудовольствию представителей других конфессий). В лице Союза православных граждан они обратились к Путину с инициативой объявить 7 июля – День всех святых – Днем России, «а не сомнитель-

ным, по их мнению, Днем независимости России 12 июня» [Прямые инвестиции 2005, с. 112].

В настоящее время некоторыми религиозными деятелями православия поднимается вопрос о канонизации Ивана Грозного и Григория Распутина. Налицо попытка превратить прошлое в вымысел, чтобы манипулировать общественным сознанием.

Клерикальные религиозные деятели пытаются не упустить шанс приобщиться к тем событиям, которые могут принести им дивиденды. Когда началась борьба с международным терроризмом, нашлись деятели, которые косвенно оправдывали акты терроризма.

Нередко служители культа ратуют за применение некоторых законов по отношению ко всему населению, исключая их самих. В их среде популярна идея защиты отечества, особенно церковного сопровождения службы в армии. Отсюда стремление добиться, чтобы в армии были священники (за счет казны). Но когда встал вопрос о службе в армии семинаристов, РПЦ выступила с аргументом о необходимости подготовки 80 тыс. священников. Глава «военного отдела» Московской патриархии отец Димитрий Смирнов согласен только на то, чтобы подготовленные священники шли в армию на офицерские должности, на место бывших замполитов. Бурный протест церкви против призыва никак не вяжется с ее «патриотизмом», с желанием «окормлять» армию, но не подвергая себя солдатским обязанностям [Солдатов 2006].

Итак, религии и их служителей разделяет не столько образ жизни, мировоззрение паствы – а их претензии на власть. В результате, по мнению литературного критика и культуролога Л. Аннинского, на участие в «государственном бытии» претендует патриархат, претендует муфтият, претендует раввинат, претендует любая появившаяся на свет секта, претендует и атеизм, который вослед религиозному мыслителю Георгию Федотову можно назвать религиозным орденом с отсутствующим Богом» [Аннинский 2004]. Причем делается это нередко скрытно и с расчетом на перспективу.

В борьбе за власть и влияние на государство примечательна тактика, избранная Православной Церковью. На этом «пути к власти РПЦ нужны школы, а не больницы. Нужна армия, но не Армия спасения, нужны часовни в министерствах, а не бесплатные столовые для бедных. Нужна цензура, а не свобода» [Письмо В. Стоярова 2002].

Аналогичные претензии попытался реализовать один из лидеров чеченских экстремистов, представитель «наиболее реакционных сил в чеченском правительстве» Зелимхан Яндарбиев, бывший и.о. президента после гибели Дудаева с весны 1996-го по зиму 1997 г. Проиграв борьбу за пост президента, амбициозный экстремист не успокоился и решил взять реванш уже в масштабе всего региона. Создав Организацию исламского единства Кавказа – «Кавказскую федерацию», он попытался объединить наиболее влиятельные силы исламского толка: «Исламию» и Исламское движение Кавказа, возглавляемое известным мусульманским богословом и политическим лидером Ахмат-кади Ахтаевым, партию «Исламский порядок» Мовлади Удугова и других религиозно-политических лидеров. На его авторитет определенное время играло то, что состоялась первая встреча чеченского руководства с Борисом Ельциным, подписание Хасавюртовских соглашений.

Однако эти акции провалились, а на лидерские позиции стали претендовать не менее амбициозные представители других сил и других религиозных кругов. Но потерпев и здесь неудачу, Яндарбиев сменил амплуа, став главным представителем чеченских сепаратистов за рубежом.

Применительно к ситуации в Дагестане наблюдатели отмечали, что «официальное духовенство превратилось в субъект внутривластной борьбы» [Драмбян 2009]. Духовенство республики дало знать, что оно является самой влиятельной и самостоятельной политической силой с большими потенциальными возможностями. «Зубы у нас сильные, – сказал в одном из своих интервью муфтий Республики Дагестан А. Абдуллаев. – Одним обращением мы можем поднять народ, но мы этого не делаем, чтобы избежать смуты» [Ахмедханов 2000]. В целом справедлив вывод, что, хотя мусульманское духовенство республики и не заявляло официально о своих намерениях создать исламскую Республику Дагестан, его практические действия дают основание думать, что при сохранении сегодняшних тенденций развития церковно-государственных отношений это лишь дело времени. Та масштабная программа исламизации, которую предлагает официальное духовенство, предполагает фактический отказ от принципов светского государства [Абдулагатов 2002, с. 66].

Не украшает священнослужителей их активное участие в бизнесе, построенном на «серых» и «теневых» схемах, когда их доходы растут от торговли табаком, алкоголем и другими товарами, имеющими весьма спорные достоинства, а также и те факты, когда священнослужители не чураются вступаться за криминальные авторитеты: например, архиепископ Екатеринбургский ходатайствовал о лидере знаменитой Уралмашевской группировки А. Хабарове [Известия 2004, 16 декабря].

Однако в Православной Церкви есть силы, которые признают опасность подобного курса и считают, что необходимы новые шаги, способные привести в соответствие Священное писание и реальность.

И вот уже в 2000 г. появляется «Социальная доктрина православной церкви» (хотя такая в католичестве появилась ровно век тому назад). В 2006 г. на Всемирном русском соборе заявлена новая трактовка свобод и прав человека, о важности нравственного их выражения. На этом соборе была принята «Декларация о правах и достоинстве человека», которая в определенной степени является оппонирующей точкой зрения на трактовку прав и свобод человека в западноевропейских странах. В ней была выражена позиция РПЦ, согласно которой, по словам в то время митрополита Кирилла, Советский Союз, подписав Всемирную декларацию прав человека, приобщился к ней формально, без должного согласования «с русскими духовными и культурными ценностями». По мнению иерархов РПЦ (Всеволод Чаплин), Церковь отвергает приоритет прав человека в правовом отношении, а также секулярный антропоцентризм, который означает отход от подлинно христианских ценностей. Православному идеалу соответствует другой принцип: соборность, согласно которому права коллектива важнее прав человека. По крайней мере, если между этими правами будет установлено равенство, то в практическом отношении это будет означать, что в Уголовный кодекс РФ надо ввести равную ответственность как за нарушение прав человека, так и за оскорбление религиозной символики [Цит. по: Круг 2006]. Но такая реакция означает рост клерикализма в стране и навязывание позиций религиозных деятелей всему населению, не учиты-

вая его различное отношение к религии. Тревогу вызывает и тот факт, что такие суждения пытаются закрепить в политико-правовом поле.

В июле 2006 г. состоялся Всемирный Саммит религиозных лидеров, организованный Русской Православной Церковью, который завершился принятием «Послания к миру», как совместного заявления религиозных деятелей 45 стран о необходимости усиления внимания к нравственности, неприятию насилия и отвержении терроризма. Интересно отметить, что вне обсуждения остались собственно богословские вопросы, которые, как правило, порождают ожесточенные споры. Объектом дискуссии стали вопросы общественной значимости, в известной мере политизированные. Несомненно, что данный саммит – это повод для РПЦ заявить о своем лидерстве в православном мире. И это еще одно значительное событие планетарного масштаба, где церковь и государство выступают единодушно по принципиально важным общественным проблемам. И даже в том случае, если религиозные намерения противоречат некоторым то ли политическим, то ли конфессиональным интересам, эти противоречия согласовывались и соответственно учитывались обеими сторонами [Минин 2006]. Вместе с тем в реальной политической борьбе террористы, экстремисты и радикалы использовали и будут использовать религиозную мотивацию, и никакими решениями никаких саммитов это не запретишь. Весьма сомнительно заявление митрополита Кирилла, что «если бы тема религии вышла на первый план до потрясших мир терактов, то, может быть, их и не случилось бы» [См.: Известия 2006]. Хотелось бы автору данного заявления или нет, но стоит напомнить, что поиск одного лекарства, в том числе и такого важного как религия, никогда не спасло ни одно общество от краха, разрушения и даже просто установления элементарного порядка [Кепель 2004].

Таким образом, императивное присутствие религиозных организаций и их лидеров в реальной политике стало реальностью. В то же время не вызывает сомнения, что религиозные деятели, которые придерживаются радикальной и экстремистской ориентации, во многом способствуют тому, чтобы превратить религию в институт политической целесообразности, чтобы религиозные споры и разногласия довести до прямого и открытого противостояния, вплоть до войны, как это случилось в Косово, в Боснии, в Чечне, а в начале 1990-х годов – в Таджикистане. Эти деятели нацелены на то, чтобы сеять вражду, недоверие и в этой ситуации добиваться того, чтобы не только духовная, но и светская власть находилась в их руках. Они никак не могут и/или не хотят считаться с реальными тенденциями в общественном развитии и стремятся навязать миру и населению своих стран теократическое мировоззрение и представление о порядке, который был неоднократно отвергнут историей.

Литература

- Абдулагатов З.М. Современная религиозная ситуация в Дагестане (процессы мусульманского возрождения) // Этнографическое обозрение. 2002. № 6.
- Аленин И. Молитва на завтрак // НГ-религии. 2006. 15 марта.
- Амелина Е.М. Русская теократия: мечты и реальность (об общественном идеале в русской религиозной философии конца XIX – начала XX века) // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 2.

- Андреева Л.А. Религия и власть в России. Религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимации политической власти в России. М.: Ладомир, 2001.
- Андреева Л.А. Сакрализация власти в истории христианской цивилизации. М.: Ладомир, 2007.
- Аннинский Л. Церковь или стая? Какое место занимает религия в современном обществе? // НГ-религии. 2004. 15 декабря.
- Ахмедханов Б. Увидимся в раю // Новое дело. 2000. № 41.
- Бабкин М. Духовенство русской православной церкви и свержение монархии (начало XX – конец 1917 г.). М.: ГПИБ, 2007.
- Барковская Е.Ю. Семейное право и законодательство на мусульманском Востоке // Восток. 2006. № 4.
- Беляев А.Е. Места для VIP-молящихся // Известия. 2004. 13 января.
- Большаков А.А. Генезис взаимоотношений и легитимация власти в теократиях // Вестник МГУ. Ср. 12. Политические науки. 2003. № 6.
- Версия. 2002. № 49.
- Версия. 2004. № 24.
- Верховский А. Власть и религия в современной России // Свободная мысль-XXI. 2004. № 4.
- Верховский А. Политическое православие: русские православные националисты и фундаменталисты. 1985–2001. М.: Центр «Сова», 2003.
- Глинчикова А.В. Раскол или срыв «русской реформации»? М.: Культурная революция. 2008.
- Говорухин С. Как приблизить эру милосердия // Независимая газета. 2005. 1 июня.
- Григулевич И.Р. Инквизиция. М.: Политиздат, 1985.
- Дерлугьян Г. Ватиканский Андропов // Известия. 2005. 19 июня.
- Дипкуррьер НГ. 2001. № 6. 2 апреля.
- Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Д., 2003а.
- Добаев И.П. Радикальный ваххабизм как идеология религиозно-политического экстремизма // Известия вузов Северо-Кавказского региона. 2003б. № 2.
- Драмбян М.И. Ислам как фактор общественной жизни в Республике Дагестан // Этнографическое обозрение. 2009. № 4.
- Дружиловский С. «...Плюс исламизация всей страны» // НГ-религии. 2004. 26 мая.
- Журавский А. Религиозная традиция в условиях кризиса секуляризма // Континент. 2004. № 120.
- Игнатенко А.А. Самоопределение исламского мира / Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). М.: Институт востоковедения РАН, «Крафт+», 2001.
- Игнатенко А.А. Ислам и политика. М.: Институт религии и политики, 2004.
- Известия. 1997. 7 февраля.
- Известия. 2000. 12 сентября.
- Известия. 2001. 17 октября.
- Известия. 2001. 22 декабря.
- Известия. 2002. 23 июля.
- Известия. 2004. 16 декабря.
- Известия. 2004. 22 июня.
- Известия. 2004. 1 октября.
- Известия, 2005. 27 января.
- Известия. 2005. 11 августа.
- Известия. 2006. 6 июля.
- Интервью с алтайским губернатором Александром Каплиным // Известия. 2005. 12 сентября.

- Кантор В.К. Русское православие в имперском контексте: конфликты и противоречия. // Вопросы философии. 2003. № 7.
- Каутский К. Происхождение христианства. М.: Политиздат, 1990.
- Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма. М.: Ладомир, 2004.
- Клин Б. Патриарх сформулировал национальную идею // Известия. 2009. 30 декабря. Комсомольская правда. 2005. 14 апреля.
- Кошкин Д. Церковь становится государственной или государство – церковным? // Версия. 2003. № 12.
- Круг П. Правозащитники в рясах // НГ-религии. 2006. 15 марта.
- Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005.
- Левинсон Л. Первейшая из свобод // Пределы светскости: общественная дискуссия о принципе светскости государства и о путях реализации свободы совести. М.: Центр «Сова», 2003.
- Логинов А. Нельзя использовать религию в политических целях // НГ-религии. 2005. 13 июля.
- Лукина Н. Босния и Герцеговина после Дейтона // Свободная мысль. 2006. № 2.
- Малашенко А.В. Еще один план обустройства России // НГ-религии. 2001. 17 января.
- Минин С. Повторение пройденного // НГ-религии. 2006. 5 июля.
- Митрофанова А.В. Политизация «православного мира». М.: Наука, 2004.
- Митрохин Л.Н. Баптизм: история и современность (философско-социологические очерки). СПб.: РХГИ, 1997.
- Мчедлов М.П. Религиоведческие очерки. М.: Научная книга, 2005.
- Мчедлов М.П. Этносы и религия // Обозреватель. 2004. № 2.
- Мчедлов М.П., Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. О социальном портрете современного верующего // СОЦИС. 2002. № 7.
- НГ. Ex libris. 2005. 28 июня.
- НГ-религии. 2005. 13 июля.
- НГ-религии. 2005. 5 октября.
- НГ-религии, 2005. 7 октября.
- НГ-религии, 2005. № 1.
- Независимая газета. 2004. 2 сентября.
- Нефляшева Н. Дремлющая сила общественного распада // Московские новости. 2006. № 24. Общие соображения по поводу отделения церкви от государства. Открытый доклад. Один век отделения церкви от государства. М.: Посольство Франции в России, 2006.
- Овсиенко Ф.Г. Политизация конфессий и клерикализации политики: тенденции развития и риски в российском обществе // Религиоведение. 2002. № 2.
- Письмо В. Стоярова // Известия. 2002. 31 августа.
- Плешов О.В. Пакистан: исламисты в борьбе за власть // Восток. 2001. № 5.
- Политическое православие: стратег. журн. № 2. М.: Ин-т нац. стратегии, 2005.
- Полит.ру. 2009. 19 ноября..
- Попова С. Исламское будущее // Известия. 2001. 22 декабря.
- Послания Иосифа Волоцкого. М.-Л., 1959.
- Природа этнорелигиозного экстремизма / под ред. Ю.М. Антоняна. М.: Аспект Пресс, 2008.
- Прямые инвестиции. 2005. № 6.
- Работнов Н. Папа в долгосрочной перспективе // Известия. 2005. 15 января.
- Рашковский Е. Религиозная динамика эпохи постмодерна // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 2.
- Религия и общество: Очерки религиозной жизни современной России / под ред. С. Филатова. М.-СПб.: Летний сад, 2002.
- Религия и политика на рубеже двух тысячелетий. М.: Экслибрис-Пресс. 2000.

- Ротарь И.* «Мусульмане России» провели съезд, но за кого голосовать – еще не определились // Известия. 1996. 16 апреля.
- Ротарь И.* Ислам и война. М.: АИРО-XX, 1999.
- Ротарь И.* Фундаменталисты активизируются // НГ. 2000. 15 августа.
- Рябцев А.* Праздник национальной катастрофы // НГ-религии. 2004. 3 ноября.
- Салыгин Е.Н.* Теократическое государство, М.: Центр конституционных исследований МОНФ, 1999.
- Сергеев А.Г.* Правители государств и отцы церкви Европы за 2000 лет. Владимир, 1997.
- Силантьев Р.* Новейшая история ислама в России. М.: Алгоритм, 2007.
- Синелина Ю.Ю.* Измерение религиозности населения России: православные и мусульмане: суеверное поведение россиян. М.: Наука, 2006.
- Смирнов М.* Нерв конфликта // НГ-религии. 2006а. 5 июля.
- Смирнов М.* Теоретик «мирового этоса» // НГ-религии. 2006б. 5 июля.
- Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания / отв. ред. М. Бурдо, С.Б. Филатов. Т. 1–2. М.: Логос, 2004.
- Соколов М.* Фельетон // Известия. 2004. 17 апреля.
- Солдатов А.* Семинаристы, встать в строй! // Московские новости. 2006. № 24.
- Соловьев В.С.* Чтения о богочеловечестве // Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. М.: Правда, 1989.
- Соловьев С.М.* Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция. М.: Республика, 1997.
- Социальное положение и уровень жизни населения России. 2005. Стат. сб. М., 2005.
- Стати В.* Позиция государства // Независимая газета. 2001. 1 ноября.
- Степанов Г.* Салман Рушди призвал реформировать ислам // Известия. 2005. 12 августа.
- Сьюэлл Э.* Сравнительная характеристика светских государств и равенство религиозных организаций // Пределы светскости. М.: Центр «Сова», 2005.
- Тарутин И.* Религиозные конфликты раздирают Африку // Известия. 2001. 23 февраля.
- Тимофеева О.* Православные, неверующие // Известия. 2004. 17 января.
- Тощенко Ж.Т.* Теократия: фантом или реальность. М.: Академия, 2007.
- Трубецкой С.Н.* Сочинения / Сост., ред. и вступ. статья П.П. Гайденко. М.: Мысль, 1994.
- Уткин А.* Конфессиональное будущее мира // Литературная газета. 2004. № 41.
- Уткин А.* In God we trust // Литературная газета. 2005. № 10. 16–22 марта.
- Утяшев Д.* Церковь или стая. Какое место занимает религия в современном обществе? // НГ-религии. 2004. 15 декабря.
- Фаллачи О.* Ярость и гордость. М.: Вагриус, 2004.
- Фатуллаев И.* Ислам в жизни населения Узбекистана. Ташкент, 2005.
- Хаизов Д.* Новый призрак бродит по Европе // Коммерсантъ. 1998. № 5.
- Хилл К., Филатов С.* Христиане и власть // Независимая газета. 1992. 1 октября.
- Христианство: Энциклопедический словарь. Т. 3. М.: Большая Российская энциклопедия, 1995.
- Чугаев С.* Атеисты добрались до Гимна России // Комсомольская правда. 2003. 10 ноября.
- Чудинова Е.* Мечеть Парижской богородицы. М.: Лепта-Пресс, 2005.
- Шахназаров О.* История развития общества и русский путь // Общество и экономика. 2000. № 2.
- Шестаков Е.* Польского журналиста приговорили к штрафу за «оскорбление понтифика» // Известия. 2005. 27 января.
- Шестернина Е.* Ватикан обвинил испанское правительство в неуважении к религии // Известия. 2005. 27 января.
- Шорохов А.* Косово как будущее Европы // Литературная газета. 2004. № 14.